

ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к.
на полгода 2 р., на 3 мѣсяца 1 р., на 1 мѣсяць 40 к.,
съ доставкой и пересылкой на годъ 5 р., на полгода
3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяць 1 р.
ОТДѢЛЬНЫЕ №№ по 10 копѣекъ.

№ 48.
26 НОЯБРЯ
1889-ГО ГОДА.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Арбатъ, Серебрянный переулокъ
домъ Николоявленской церкви, квартира протоіерея
Виктора Петровича Рождественскаго.
ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ за строку, или мѣсто строки
за одинъ разъ 10 к., за 2 раза 18 к., за 3 раза 24 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Къ вопросу о церковномъ пѣніи. Внутреннія извѣстія. Корреспонденція. Изъ Подольскаго уѣзда. Замятки и сообщенія о печати. Библиографія. Извѣстія и замѣтки. Двадцатипятилѣтіе Георгіевскаго Дома призрѣнія духовныхъ лицъ. Двадцать вторая годовщина со дня кончины Филарета, Митрополита Московскаго. Сооруженіе и освященіе хоругвей въ память 17 октября 1888 года прихожанами Воскресенской, въ Таганкѣ, церкви. Юбилей наставниковъ Московской семинаріи С. Д. Рождественскаго и М. В. Модестова. Оо. Благодѣтельнымъ монастырей и церквей Московской епархіи.

КЪ ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНОМЪ ПѢНІИ.

Поставимъ девизомъ нашихъ соображеній слова Пророка—пѣвца Давида: *пойте Богу нашему, пойте, пойте царицеи нашему, пойте. Пойте разумно*.

Пѣніе составляетъ необходимую стихію человѣка, неотъемлемую потребность природы духа человѣческаго, выражающаго въ немъ всѣ свои разнообразныя чувства и радости и горя, и въ немъ ищущаго утѣшенія, ободренія и воодушевленія, какъ говоритъ о семъ и св. апостолъ: *«аще кто благодушествуетъ, да поетъ»*. Мы отъ опыта жизненнаго прибавимъ обратную сторону: *«если кто ищетъ успокоенія, благодушія, пусть поетъ, и обрѣтетъ желаемое»*. То или другое настроеніе духа нашего (радостное или скорбное) придаетъ и пѣнію соответствующій отбѣнокъ: такъ въ минуты радости слышатся мотивы болѣе оживленные, широкіе и торжествующіе, — въ минуты скорби — мотивы какъ бы замирающіе, стѣсненные, печальные — вообще отвѣчающіе душевному настроенію и всегда естественные, чуждые искусства или поддѣлки, какъ бываетъ съ тѣми, отъ которыхъ требуется то или другое выраженіе не по собственному влеченію, а по обстоятельствамъ мѣста и времени, въ звукахъ которыхъ слышится натянутость, неестественность, усиліе удержатъ себя на извѣстной модификаціи. И это весьма естественно потому, что въ пѣніи желаютъ слышать выраженія мысли, и оно оцѣнивается по согласію процесса пѣнія съ содержаніемъ поемаго, и только тогда получаетъ свой типичный характеръ, заслуживающій вниманія слушателей. Если вообще судятъ о предметахъ по ихъ важности, значенію въ соотношеніи съ другими предметами, то естественно, что и въ пѣніи то пѣніе производитъ болѣе сильное впечатлѣніе и оставляетъ памятный слѣдъ, въ которомъ выше и важнѣе содержаніе и смыслъ, и которое яснѣе и отчетливѣе отлиываетъ его. Одни звуки (музыкальные), какъ бы ни были согласны, гармоничны и пріятны, будутъ лишь сладко бить по нервамъ, пробуждать ихъ во время процесса

игры, сильно дѣйствовать на слушателя, но все-таки останутся пустыми звуками; способные увлечь, заставить забыть на время, они не западутъ въ душу и не принесутъ желаемого усмоленія волнующейся душѣ. Пѣніе же, соединенное съ прямымъ яснымъ содержаніемъ, выражающее смыслъ его, не только ясно отзовется въ душѣ слушателя, но и дастъ опредѣленное настроеніе, вынесется и оставитъ глубокое впечатлѣніе ¹⁾.

Важность, высокое значеніе и благотворное вліяніе пѣнія церковнаго вытекаютъ отсюда сами собою — именно вытекаютъ изъ самаго содержанія церковныхъ пѣснопѣній, выражающихъ наши отношенія къ Господу, изъ сознанія нашей грѣховности предъ Нимъ и зависимости, вообще изъ величія предмета, воспѣваемаго нами. Если всегда требуется согласіе выраженія съ содержаніемъ, соответствіе данному предмету, тѣмъ болѣе такъ должно быть въ пѣніи церковномъ, въ пѣніи пѣснопѣній священныхъ. Поэтому псалмопѣвецъ Божій Давидъ, сказавши, что *пою Богу моему, дондеже есмь*, и даетъ такое наставленіе: *«пойте Богу нашему, пойте, пойте Царицеи нашему, пойте, — пойте разумно»*. Но, къ прискорбію, въ этомъ-то наивысшемъ пѣніи и не соблюдаются общія правила соответствія пѣнія съ содержаніемъ, — благообразія и приличія. Что же значить пѣть разумно? Пѣть разумно, по нашему разумію, значить — выражать въ пѣніи тотъ смыслъ, который заключается въ данномъ пѣснопѣніи, и пѣть благоговѣнно, съ сознаніемъ важности содержанія его; пѣть разумно, значить — избѣгать искусственности и поддѣльности, которыя церковное пѣніе переносятъ въ область мірскаго и такимъ образомъ унижаютъ важность пѣснопѣнія, лишаютъ его назидательности (сюда можно отнести крикливость: по уставу церковному — *безчинный вопль*, — неприличную музыкальность и доходящее до minimum, а такъ называемое *diminuendo*); — избѣгать всего, что увлекаетъ вниманіе до забвенія о святости мѣста, избѣгать грубости и нестройности въ пѣніи, тяжело дѣйствующихъ на предстоящихъ и отвлека-

1) Отсюда происходитъ ужасный вредъ, нравственное паденіе отъ разныхъ безнравственныхъ пѣсней, растрavляющихъ низкія страсти.

ющихъ ихъ отъ молитвеннаго настроенія, всего, что затемняетъ смыслъ священныхъ пѣсней, какъ напр. пониженіе голоса на возвышенномъ или долгомъ слогѣ и на оборотъ, погоня за вышнимъ выраженіемъ словъ безъ отношенія къ мысли: сюда относятся слово—*поднимемъ*, имѣющее значеніе не поднятія (вверхъ) а принятія въ свою душу Царя-Христа,—слова постоянного нашего молитвеннаго обращенія къ Господу — Господи помилуй, подай Господи,—которыя часто слышатся извращенными въ пѣніи: Господи помилуй,—вм. Господне—Господне, вм. аллилуйа — аллилуйа, вм. во имя—во имя! И сколько подобныхъ нетерпимыхъ извращеній слышится! Можетъ ли быть оправдываемо такое небреженіе въ святой молитвѣ къ Господу?! И не есть ли это нарушеніе нашихъ должныхъ отношеній благоговѣнія?! Правда, мы не относимъ этого къ прямой винѣ такъ поющихъ или по невѣдѣнію, или по безотчетной привычкѣ къ тому,—но, кажется, не въ правѣ и обѣлять совершенно, потому, что они слишкомъ не разборчиво относятся къ составленіямъ пѣснопѣній нотныхъ; есть ли смыслъ, нѣтъ ли въ подобныхъ композиціяхъ, на это не обращается вниманія, лишьбы можно было пошумѣть, и гдѣ?—въ храмѣ Божіемъ, этой высочайшей для насъ святынѣ. Лучше было бы послѣдовать нашей родной поговоркѣ: «чего не знаешь, спроси», — «дурное отбрось, хоть и привычное». Но какъ невѣдѣніе закона не оправдываетъ вины, а только смягчаетъ (*невѣдый закона биевъ будетъ мало*), такъ невѣдѣніе правильности и осмысленности церковнаго пѣнія не извинительно уже потому, что главный и существенный предметъ нашихъ пѣснопѣній есть Милосердый Господь. Пусть сознаніе каждаго подскажетъ ему, прилично ли пѣть Богу—Царю нашему, предъ которымъ мы должны съ величайшимъ благоговѣніемъ и трепетомъ предстоять, какъ грѣшники и неплатные должники,—пѣть не благообразно, не благопристойно, *безчинными вопли*? Святость мѣста, представленіе себя предъ невидимо и таинственно присутствующимъ Богомъ, высота таинства, совершаемаго на престолѣ божественномъ, не должны ли внушать благопристойность и приличную святынѣ важность и поучительность церковнаго пѣнія вмѣсто того, чтобы мѣшать службу Богу съ службой мамонѣ?! Но говоря о пѣвцахъ, мы думаемъ, что скажемъ правду, что болѣе виновна въ этомъ нарушеніи святости храмовъ сама христіанская наша община въ лицѣ своихъ представителей, которые, по своему глубокому заблужденію, требуя такого иногда неистоваго пѣнія, мнѣя службу приносить Богу, униженіемъ храма придать торжественность праздничному богослуженію. Они забываютъ, что богослуженіе, особенно праздничное, само въ себѣ заключаетъ торжественность, при благообразномъ пѣніи, по своему внутреннему значенію и смыслу и по сердечному усердію и участію молящихся. Тутъ невольно припоминается притча о мытарѣ и фарисеѣ, въ которой Фарисей съ поразительнымъ самолюбіемъ представляетъ по отношенію къ себѣ обязаннымъ самого Господа. Такіе, по видимому, ревнители хотятъ показать себя только предъ людьми, а не предъ Богомъ, и за то подвергають себя тому же осужденію, какое произнесъ Спаситель о фарисеяхъ. Въ показаніе того, какъ нужно пѣть въ храмѣ Божіемъ, приведемъ постановленіе св. церкви. 75-е правило VI-го Вселенскаго Собора такъ говоритъ: «желаемъ, чтобы приходящіе въ церковь для пѣнія не употребляли безчинныхъ воплей, не вынуждали изъ себя неестественнаго крика, и не вводили ничего не сообразнаго и не свойственнаго церкви: но съ великимъ вниманіемъ и умиленіемъ приносили псалмопѣнія Богу, назирающему сокровенное. Ибо слово Божіе поучало сыновъ Израилевыхъ быти благоговѣ-

ными (Лев. 15, 31)». Здѣсь ясно опредѣленъ основной характеръ пѣнія церковнаго, нарушеніе котораго есть самоосужденіе и сопротивленіе св. церкви.

По закону единообразія, всякая причина имѣетъ соответствующія себѣ слѣдствія; тоже открылось и въ пѣніи церковномъ. Съ одной стороны необдуманная требовательность, съ другой—неразборчивость въ выборѣ композицій для хороваго пѣнія въ храмѣ породили много непризванныхъ охотниковъ къ такимъ изложеніямъ, которыя не только не приличны по своей свѣтскости и пѣсенному складу ¹⁾ въ святомъ мѣстѣ, но и обличаютъ этихъ жалкихъ авторовъ въ совершенномъ непониманіи принятаго ими на себя дѣла, въ неразличеніи свѣтскаго и духовнаго, и такимъ образомъ—въ извращеніи смысла пѣснопѣній церковныхъ, и ясно показываютъ, что они взялись не за свое дѣло. Ихъ область занятій — *внѣ ограды церковной* — тамъ, гдѣ не требуется ни умственнаго развитія, необходимаго для пониманія смысла священныхъ пѣсней, ни чистоты и возвышенности нравственнаго чувства, а требуется только знакомство съ сочетаніемъ звуковъ, знаніе нотъ и нѣкоторыя иныя теоретическія свѣдѣнія по музыкѣ. Отсюда и вышло достойное осужденія безразличіе въ самыхъ выраженіяхъ—и пѣсня—*ниеса*, и церковное пѣснопѣніе—*ниеса*,—безразличіе, показывающее отсутствіе смысла въ этомъ смѣшеніи божественнаго съ человѣческимъ. Вотъ, до чего можетъ дойти человѣкъ, когда, мня о себѣ много, беретъ не за свое дѣло и вторгается въ безвѣстную ему область. На такіе недостатки въ церковномъ пѣніи указывалъ еще въ Бозѣ почившій преосвященный митрополитъ Филаретъ, строго отставившій церковность и осмысленность пѣнія церковнаго (см. Собр. мнѣній и отзывовъ его, изданн. преосвященнымъ Саввой, архіеп. Тверскимъ, т. III, стр. 322—326. 1885 г.). Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ (стр. 224): «назначеніе церковнаго пѣнія—то, что бы возбуждать и сохранять благочестивое чувство русскаго народа при богослуженіи церковномъ и для того поддерживать назидательныя впечатлѣнія». Въ этихъ словахъ въ Бозѣ почившаго святителя указывается и назначеніе, къ какому должны быть направляемы нотныя изложенія, и задача композиторовъ. Впервыхъ, каждый композиторъ долженъ помнить, что беретъ не за обычное человѣческое дѣло, а за дѣло священное, къ которому долженъ относиться съ благоговѣніемъ, во вторыхъ долженъ понять смыслъ пѣснопѣнія, и выражать его сообразно съ требованіемъ строя церковнаго пѣнія,—потомъ помнить, что онъ трудится не для простаго любопытства и удовлетворенія желаніямъ не всегда благочестивымъ и не для пустой рекламы о себѣ,—но для поученія и назиданія и для укрѣпленія религіознаго настроенія въ молящихся. Отсюда ясно требованіе—цѣлѣить нотное изложеніе для

1) Такъ намъ не разъ приводилось слышать церковную пѣснь: „*достойно есть, яко во истину*“, Сербскаго напѣва, гармонизованную какимъ-то Станкевичемъ. Какое скорбное чувство испытывали мы въ св. храмѣ при пѣніи ея, слушая сочетаніе аккордовъ южнорусской веселой пѣсни! И можно ли вносить подобное въ св. мѣсто, и пѣть предъ алтаремъ Господнимъ въ величайшія минуты священнодѣйствія пренебеснаго Таинства! Вмѣсто того, чтобы усилить сосредоточеніе предстоящихъ и сознаніе совершаемаго, ихъ какъ-бы нарочито отвлекають и развлекають... Да и не мало подобнаго внесено въ церковь, несоответствующаго святости ея: кто не слыхалъ громагого и разчленнаго конца: „*Нынѣ отпущаеши*“... „*Свѣте тихій*“.. и какого-то безобразнаго напѣва— „*Великаго Славословія*“! При распространенности неблагопріятнаго пѣнія оказываются безсильными и настоятели церквей, желающіе въ св. храмахъ слышать пѣніе, приличное святынѣ ихъ.

церковнаго богослуженія не по встрѣчѣ съ квинтами и секстами, которыя будто запрещаются теоріей музыки, но по силѣ выразительности пѣснопѣнія, по общему церковному строю и благочестивому впечатлѣнію. Короче сказать, пѣснопѣіемъ нужно настроить не слушать только, но главнымъ образомъ молиться. Отсюда слѣдуетъ, что, для того, чтобы сьумѣть дѣлать осмысленныя нотныя изложенія церковныхъ пѣснопѣній, мало одного знанія гармоніи звуковъ, хотя бы доведеннаго до тончайшихъ деталей, мало одного умѣнія дѣлать хотя бы и искусный подборъ разныхъ аккордовъ, нужно проникнуться духомъ церковности, такъ сказать—сродниться съ нимъ,—нужно понять смыслъ пѣснопѣнія, научиться правильно, выразительно прочесть его, что бы быть въ силахъ придать ему въ нотномъ изложеніи приличную выразительность и должную назидательность. А для этого, естественно, не достаточно одного общаго развитія, тѣмъ болѣе—одной грамотности (какъ бываетъ не рѣдко); а нужно имѣть соответствующее дѣлу и образованіе (специализованное), или широкую благочестивую начитанность. Безъ этихъ условій всякое изложеніе будетъ неправильно, поверхностно, не осмысленно и безцѣльно, какъ произвольный вымыселъ не за свое дѣло взявшагося составителя. Безъ соблюденія этихъ условій всякій вторгающійся не въ сродную область трудъ будетъ служить не къ улучшенію церковнаго пѣнія, а къ ухудшенію и приниженію его, какъ не соответствующій величію содержанія, чуждый церковности, и будетъ вносить новые и новые недостатки и темноту; а св. храмъ, это величайшая наша святыня, будетъ служить какъ бы ареной пробы неразумныхъ писаній всякихъ любителей. Церковное пѣніе въ своей модификаціи имѣетъ нѣчто сходное съ живописью. То и другое составляютъ своеобразное выраженіе внутренняго состоянія духа, подъ вліяніемъ данныхъ исторіи церкви. Молитвенное настроеніе живописца, проникнутаго глубокимъ сознаниемъ высоты того идеала, который онъ намѣренъ изобразить, отображается и на томъ, что онъ изображаетъ; проникнуться благоговѣніемъ къ избранному св. предмету, такъ сказать—приблизиться къ нему—для него существенная необходимость. Не даромъ же благочестивые и религиозные художники начинали свое великое дѣло молитвою ко Господу,—и тогда кисть ихъ, какъ благословляемая невидимо свыше, съ благоговѣніемъ живописала изображеніе. Намъ кажется, что эта картина близко подходит и къ церковному пѣнію. Церковныя пѣснопѣнія составляютъ наши молитвенныя обращенія къ Богу,—и тонъ пѣнія долженъ отпечатлѣвать въ себѣ этотъ характеръ; церковныя пѣснопѣнія заключаютъ въ себѣ высочайшія и священнѣйшія истины,—и пѣніе должно, такъ сказать, отражать это величіе и святость;—онѣ служатъ къ выраженію возвышеннѣйшихъ нашихъ чувствъ,—пѣніе должно отражать ихъ въ соответствующей формѣ. Могушая сила, необъятная художественность и высота заключаются въ пѣснопѣніяхъ; благоговѣніе, теплота чувствъ, пониманіе смысла, свойственная нашему пѣнію широта и пѣвучесть—необходимыя требованія, обращенныя къ составителю. Правда, въ этомъ заключается и трудная задача, предъ выполненіемъ которой не устояли на должной ступени и извѣстные всѣмъ намъ церковные композиторы, допустившіе немало отступленій и ошибокъ въ своихъ трудахъ по отношенію напѣва церковнаго, такъ—и смысла 1); но лучше не много, и осмысленнѣе и при-

личнѣе и назидательнѣе, чѣмъ много—и недостойнаго (поп multa, sed multum). Намъ скажутъ, что требованія слишкомъ идеальны; пожалуй и правда. Но поставьте себя предъ тѣмъ высочайшимъ, всесвятымъ и совершеннѣйшимъ идеаломъ—Богомъ, предъ которымъ и святые Божіи повергаются въ прахъ,—идеаломъ безконечной и неизреченной любви къ человѣку,—воззрите молитвенно и благоговѣнно на ликъ Божій, допустите ли, если есть въ васъ сознание, неблагопристойность и неблагообразіе, когда и предъ людьми стараемся быть приличными?! А пѣніе церковное и есть молитвенное выраженіе нашихъ вѣрованій и чувствъ словами св. церкви,—есть тоже молитва, или какъ выраженіе глубоко благодарной души, или какъ скорбный вопль грѣшника. При исполненіи высказанныхъ требованій отъ составителя, когда онъ отдастся своему дѣлу съ любовью, съ полнымъ пониманіемъ его, думаемъ, самъ собою отойдетъ тотъ характеръ, который присущъ пѣснопѣнію, отойдетъ съ силою и выразительностію, съ присущею назидательностію для предстоящихъ, потому, что будетъ не случайнымъ чѣмъ-либо, не дѣломъ холоднаго и не понимающаго составителя, а плодомъ обдуманной мысли и прочувствоваващаго сердца. Тогда, надѣемся, послышится то пѣніе, которое царепророкъ называетъ *разумнымъ*.

Но такъ какъ такое возвышенное состояніе духа, состояніе вдохновенія не для всѣхъ доступно,—то мы, если не вообще, то относительно многого предполагаемъ представить свои соображенія, и указать, что должно стоять, по нашему мнѣнію, во главѣ дѣла церковнаго пѣнія въ гармоническомъ строѣ. Пѣніе церковное есть одно изъ сильныхъ воспитательныхъ средствъ, которыми располагаетъ св. церковь къ уготовленію чадъ своихъ для царства Божія, какъ и св. апостольскій заповѣдуетъ *учить и вразумлять себя самихъ во псалмѣхъ и пѣніихъ и тѣснѣхъ духовныхъ, въ благодати пѣтъ въ сердцахъ нашихъ Господеви* (Кол. 3, 16).

Пѣніе ц. есть сугубая проповѣдь церковная, дающая содержаніе мысли нашей и глубоко западающая въ наше сердце, когда выраженіе отвѣчаетъ содержанію. Благочестивая, молитвенная осмысленная мелодія, соединенная съ мыслию, надолго останется въ памяти и будетъ поддерживать настроенность добрую. При такомъ взглядѣ на пѣніе церковное, не какъ только на благочестивое наслажденіе, котораго также отрицать нельзя, а какъ на дѣйствительное воспитательное средство св. церкви и какъ на сильную церковную проповѣдь, само собою открывается необходимость обратить на него самое серьезное вниманіе, урегулировать его, дать ему надлежащее направленіе; тогда оно будетъ выполнять свою высокую миссію, будетъ не только помощникомъ, но и проводникомъ духа благочестія и послужитъ къ возвышенію значенія самихъ храмовъ.

Такой великой задачѣ и цѣли пѣнія не помогутъ ни наши древніе напѣвы сами по себѣ, если не будутъ производить требуемаго нашимъ болѣе развитымъ сознаниемъ впечатлѣнія и не будутъ отвѣчать, по своему складу, смыслу пѣснопѣній, но тѣмъ болѣе—мотивы взятые изъ русской народной пѣсни, какъ вышедшіе изъ противной идеѣ церкви области (о чемъ впрочемъ мечтаютъ любители пѣнія—какого?—мы не предрѣ-

сказать и о произведеніяхъ Бортнянскаго, Потулова и другихъ корифеевъ въ этомъ дѣлѣ. И нашъ церковный обиходъ, заключающій въ себѣ богатый матеріалъ церковныхъ разныхъ напѣвовъ, матеріалъ широкій и художественный, въ частностяхъ (отличенныхъ въ указанномъ нами собраніи мнѣній преосв. Филарета—относительно удареній) нуждается въ пересмотрѣ.

1) Такъ первосвятитель Московскій, преосв. Филаретъ говоритъ, что въ произведеніяхъ Львова искусственною гармоніею закрытъ древній церковный напѣвъ, какъ и смыслъ пѣснопѣнія неправиленъ. Тоже должно

шаемъ). Мы думаемъ *), что въ основу пѣнія многихъ церковныхъ пѣсней должно быть положено чтеніе выразительное, которое откроетъ смыслъ, укажетъ способъ выраженія, не допустить составителя понижать на слогъ долгомъ (возвышенномъ) и повышать на слогъ короткомъ (низкомъ), и охранить его отъ злоупотребленія словами безъ мысли. И это представляется весьма естественнымъ, по тѣсной связи пѣнія съ чтеніемъ. Правда, пѣніе будетъ шире, выразительнѣе, гармоничнѣе, даже можетъ быть художественно,—но основная мелодія, данная чтеніемъ, удержать его въ должныхъ границахъ, и будетъ служить связующею нитью всего музыкальнаго строя данного пѣснопѣнія **).

Церковное пѣніе, какъ сказали мы, весьма важный стимулъ въ религиозно-нравственномъ развитіи и воспитаніи членовъ св. церкви. И мы живемъ въ счастливое время, когда многие и многіе начали обращать вниманіе на церковное пѣніе съ желаніемъ улучшить его, откинуть появившіяся на немъ болыныя наросты, придать ему смыслъ и назидательность. Въ немъ вѣрующая душа ищетъ освѣженія, подкрѣпленія, ищетъ удовлетворенія возвышеннѣйшимъ и дорогимъ своимъ чувствамъ и желаніямъ,—оно должно удовлетворять этому и осмысленности и выразительности и строемъ приличнымъ святости мѣста и времени. Но оно же можетъ сдѣлаться и стимуломъ неблагоприятнымъ, развлекающимъ и прижимающимъ. И въ этомъ случаѣ всякій можетъ провѣрить, какъ многіе, привыкшіе къ пѣнію неблагообразному, зашедшему, къ несчастію, и въ св. храмы, ищутъ уже и въ этихъ святыняхъ однихъ сильныхъ ощущений, безъ всякаго уваженія къ мѣсту и тѣмъ болѣе безъ благоговѣнія, и проходятъ мимо тѣхъ храмовъ, въ которыхъ не слышится этихъ безчинныхъ воплей. Это—печальный признакъ душевной болѣзненности, переносящейся въ св. мѣста изъ мѣстъ суеты мірской и мірскихъ удовольствій,—признакъ, который ничего не общаетъ другаго, какъ дальнѣйшаго охлажденія къ св. храмамъ.

Что же?—скажутъ намъ. Отмѣнить все гармонизованное пѣніе, и оставить одинъ простой (обычный) напѣвъ?—Нѣтъ, это будетъ идти слишкомъ въ разрѣзъ съ нашимъ временемъ, съ состояніемъ развитія нашего общества, даже думаемъ, что не неправду скажемъ, — это едва ли будетъ соответствовать самому богослуженію, которое само въ себѣ заключаетъ и много торжественности и много возвышенной поэзіи, и, вслѣдствіе этого, требуетъ соответствующей выразительности; только нужно помнить, что основная цѣль его не только удовлетворять желаніямъ предстоящихъ хотя бы и благочестивымъ, но и пробуждать духъ молитвенный, духъ благоговѣнія въ св. мѣстѣ, воодушевлять, отвлекать и поднимать отъ земнаго. А этому, думаемъ, не будетъ всегда отвѣчать ни монотонность и

*) Оговариваемся, что мы выдаемъ свои личныя соображенія, не считая себя за авторитетъ. Наше *pium desiderium*, по мѣрѣ силъ, послужить святому и великому дѣлу св. церкви.

**) Мы не понимаемъ и не находимъ основанія, почему нѣкоторыя молитвы поются попеременно съ пониженіемъ и повышеніемъ, не только безъ всякой потребности, вызываемой молитвой, но и безъ соответствія ея смыслу, какъ напр. въ молитвѣ Господней—одно прошеніе—*высокимъ тономъ*, другое—*низкимъ*. Подобный переходъ гонювъ можетъ быть допустимъ при пѣніи Символа Вѣры, который, какъ исповѣданіе положительнаго ученія св. церкви, и уставъ церковный внушаетъ говорить *тѣрымъ гласомъ, благоговѣнно*. Молитва же Господня, по нашему мнѣнію, можетъ быть гармонизована подъ мелодію выразительнаго молитвеннаго чтенія,—тогда она будетъ и выразительнѣе и назидательнѣе и соответственнѣе.

однообразіе церковнаго пѣнія, ни вообще простота, повторяющаяся изо дня въ день. Все хорошо тогда, когда представляется въ соответствующей формѣ. Явился на брачный царевъ пиръ человекъ не въ брачной одеждѣ, и былъ за то не только осужденъ, но и изгнанъ. Торжество церковное само по себѣ возбуждаетъ чувство радости, торжество духа нашего, и содержаніемъ священныхъ пѣсней и внѣшней обстановкой пусть отвѣчаетъ этому и пѣніе церковное, пусть оно будетъ торжествующимъ, возвышеннымъ, но только осмысленнымъ, *разумнымъ*. Такое пѣніе согласно и съ требованіями св. церкви, которая, напр., ясно заповѣдуетъ читать евангеліе чисто, *крѣпчайшимъ гласомъ*; но это не значитъ, чтобы, начавши низко, постепенно повышать и доходить до крикливости,—но читать ровно, громко съ начала до конца, чтобы все слышны были слова Господни. И вообще уставъ церковный даетъ большой просторъ пѣнію церковному въ своихъ указаніяхъ пѣть *косо* (съ силою неторопливо) *величасно* (торжественно) *велимъ гласомъ* (громко) и въ другихъ случаяхъ — со *сладкотнѣемъ* (мелодично), *благоговѣнно*, и *низкимъ и тихимъ гласомъ*.

Съ другой стороны какъ старыя напѣвы, дошедшіе до насъ отъ предковъ, не всегда могутъ въ своемъ первоначальномъ видѣ производить желаемое настроеніе въ современномъ слушателѣ какъ потому, что по своему складу иногда довольно грубому, иногда тяжелому не отвѣчаютъ настроенію и желанію вкусившаго пріятность отъ пѣнія гармоническаго, такъ и потому, что не мало имѣютъ недостатковъ, которые въ наше время не должны быть допускаемы; такъ не могутъ оставлять должнаго и желаемаго впечатлѣнія и наши упрощенныя однообразныя напѣвы, вошедшіе въ обиходъ нашей церковной жизни. Притомъ, упрощеніе пѣнія церковнаго до совершеннаго однообразія едва ли можетъ быть полезно въ дѣлѣ религиозно-нравственнаго воспитанія и возбужденія желанія такъ сказать отдохнуть подъ сѣнію храма послѣ мірской суеты, освѣжиться здѣсь и проникнуться высокими впечатлѣніями? — Не говоря о томъ, что многое въ немъ слышится безъ выраженія смысла, оно не отвѣчаетъ прирожденному русскому человеку духу пѣвучести и широты пѣнія *). Соответственно этимъ качествамъ, сообразно съ высотой содержанія церковныхъ пѣснопѣній, съ торжественностию богослуженія, и глубокимъ смысломъ его, пѣніе церковное, мы думаемъ, должно отличаться пѣвучестию, гармоничностию и разнообразіемъ мелодій, соответствующихъ священнымъ пѣснямъ, и главнымъ образомъ быть точнымъ выразителемъ данной мысли. Опять повторимъ, что оно есть выраженіе нашихъ отношеній къ Господу; и если въ пѣніи мірскомъ судятъ о пѣніи по выраженію смысла, — тѣмъ болѣе церковное пѣніе должно быть полно разумнаго благоговѣнія. Отсюда, какъ выраженіе возвышеннѣйшихъ и самыхъ дорогихъ чувствъ человека—христіанина, оно должно быть свободно отъ всѣхъ несоответствующихъ ему и унижающихъ его недостатковъ—какъ-то: подбора аккордовъ свѣтской музыки, неприличныхъ переходовъ гармоніи, повышеній до крикливости, пониженій—до неслышимости словъ священной пѣсни, стремленія къ эффектности. Оно должно быть строгимъ выразителемъ со-

*) Намъ думается, что изданія простыхъ напѣвовъ гармонизованныя, въ родѣ изданія литургіи г. Пешумова и другихъ подобныхъ, повторяющихъ ошибки противъ смысла, и въ то же время не вносящихъ ничего русскаго пѣвучаго, не только не полезны, но продолжаютъ распространять старыя недостатки, вмѣсто того, чтобы служить къ улучшенію и осмысленности пѣнія церковнаго.

держанія пѣснопѣній, смысла ихъ, должно отвѣчать возвышенности мысли и чувствъ и быть назидательнымъ. То пѣніе истинно и хорошо, которое не только заставляеть быть внимательнымъ и сосредоточеннымъ, но и молиться; такое пѣніе, по апостолу, и есть пѣніе благообразное и по чину. При вниманіи къ этимъ необходимымъ условіямъ и требованіямъ, и пѣвцы должны относиться съ великою осмотрительностію къ разнымъ композиціямъ; и тогда само собою будетъ выкинуто много этого балласта, какъ недостойнаго св. храмовъ, какъ мерзости заупустѣнія, вторгшейся въ св. мѣста; а это заставить и любителей писаній—непризванныхъ пионеровъ одуматься, поразмыслить и быть можетъ совсѣмъ оставить чуждую имъ профессію, съ сознаниемъ, что это выше ихъ ума дѣло.

Въ заключеніе скажемъ, что мы высказали относительно настоящаго хороваго пѣнія убѣжденія, требуемыя сознаниемъ каждаго благочестиваго человѣка—христіанина, для котораго дорогъ храмъ Божій, какъ наивысшая святыня, и сообщили свои соображенія относительно существующихъ изложеній церковныхъ пѣсней и способа, какъ разумѣе ихъ дѣлать. Надѣемся, что не найдется основаній къ упреку намъ за то, какъ будто мы гонимъ гармоническое пѣніе изъ храмовъ Божіихъ; мы говоримъ только противъ пѣнія, несогласнаго съ завѣтомъ давида: «*пѣть разумно*», противъ неосмысленно составленныхъ композицій, разчитанныхъ на эффектъ, а не на назиданіе и молитвенное наслажденіе предстоящихъ въ храмѣ*); мы ищемъ напротивъ лучшаго гармоническаго пѣнія, отвѣчающаго какъ возвышенной идеѣ богослуженія, такъ и благочестивому требованію молящихся, и думаемъ, что если бы знатоки поглубже вникали въ смыслъ и благоговѣніе относились къ дѣлу священному, и если бы сознавали, что это дѣло не такъ просто, какъ, быть можетъ, думается многимъ, и требуетъ глубокой обдуманности и необходимаго религіознаго образованія, или, по крайней мѣрѣ, начитанности религіозной, тогда многое было бы дѣлаемо не такъ, какъ есть въ дѣйствительности, а такъ, какъ должно бы быть, по возможности; говоримъ, по возможности, потому, что главный предметъ церковныхъ пѣснопѣній есть тотъ, кто именуется себя *святимъ и совершеннымъ*, и кого св. апостолъ называетъ *Царемъ вѣковъ неплыннымъ, невидимымъ, единымъ премудрымъ Богомъ* (Тим. 1, 17).

Е. А.

ВНУТРЕННЯ ИЗВѢСТЯ.

Возвращеніе изъ заграницы Государя Наслѣдника. — Пятидесятипятилѣтіе епископскаго служенія митрополита Петербургскаго. — Слухи о перемѣщеніи архіереевъ. — Избраніе г. оберъ-прокурора св. Синода почетнымъ членомъ общества вспоможенія приказчикамъ и бесѣда его съ депутаціею. — Измѣненіе въ учебномъ курсѣ семинарій западнаго края. — Устройство на югѣ миссіонерской школы. — Улучшеніе консисторскаго дѣлопроизводства. — Статистика церковно-приходскихъ школъ. — Нормальная программа для народныхъ школъ. — Каталогъ ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. — Измѣненіе закова объ опекунахъ и душеприказчикахъ. — Возстановленіе Кавказскаго намѣстничества. — Ограниченіе пріятія въ число присяжныхъ повѣренныхъ лицъ не христіанскаго вѣроисповѣданія. — Крупное пожертвованіе священника. — Сельская чайная. — Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія.

— 12 ноября, изволилъ благополучно возвратиться въ Гатчину изъ продолжительнаго заграничнаго путешествія (въ Аѳины)

* Укажемъ, какъ на возмутительный примѣръ въ этомъ отношеніи, на безобразную композицію молитвы: «*Царю Небесный*... Къ униженію священныхъ пѣснопѣній дальше едва ли можно идти! Это и подобныя изложенія—печальный плодъ дѣльцовъ, не понимающихъ дѣла.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ.

— 11 ноября, въ крестовой церкви с.-петербургскаго архіерейскаго дома, по случаю исполнившагося въ этотъ день пятидесятипятилѣтія въ архіерейскомъ санѣ высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора, состоялось торжественное богослуженіе. Божественную литургію совершалъ высокопреосвященнѣйшій Исидоръ, съ преосвященнымъ Антоніемъ, ректоромъ с.-петербургской духовной академіи, въ сослуженіи архимандритовъ Псаи, Приарха и др. при хорѣ невскихъ архіерейскихъ пѣвчихъ. Въ совершеніи молебствія участвовали: высокопреосвященнѣйшій Исидоръ, архіепископы: Сергій кишеневскій, Леонтій холмско-варшавскій; епископы: Германъ, бывшій кавказскій, Антоній выборгскій и Митрофанъ ладожскій.

— Петербургскія газеты сообщаютъ слухъ, что Преосвященный Палладій, архіепископъ волынской и житомирской, по разстроенному здоровью увольняется на покой, а на волынско-житомирскую кафедру переводится епископъ нижегородскій и арзамасскій Модестъ.

— «Новое Время» сообщаетъ, что общество вспоможенія приказчикамъ и сидѣльцамъ въ С.-Петербургѣ въ общемъ всемъ собраніи избрало въ число своихъ почетныхъ членовъ г. оберъ-прокурора св. Синода К. П. Побѣдоносцева. По этому случаю надняхъ К. П. Побѣдоносцевымъ была принята депутація отъ Общества, К. П. Побѣдоносцевъ принялъ званіе почетнаго члена Общества вспоможенія приказчикамъ и сидѣльцамъ въ С.-Петербургѣ, причемъ просилъ депутатовъ выразить Обществу его сердечную благодарность. Г. оберъ-прокуроръ бесѣдовалъ съ депутатами по вопросу объ установленіи вообще отдыха для торговыхъ людей по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Весьма печально и грустно, между прочимъ, замѣтилъ К. П. Побѣдоносцевъ, что многіе изъ числа 1500 лицъ с.-петербургскихъ купцовъ и торговцевъ, заявившихъ свое добровольное соглашеніе и желаніе для увѣковѣченія памяти о чудесномъ избавленіи Царственной Семьи 17 го октября 1888 года прекратить торговлю и освободить приказчиковъ отъ занятій по воскреснымъ днямъ и двенадцатымъ праздникамъ, какъ извѣстно, не исполняютъ на дѣлѣ заявленное ими соглашеніе.

— Таже газета слышала, что св. Синодъ рѣшилъ сдѣлать существенныя перемѣны въ учебномъ курсѣ духовныхъ семинарій западнаго края, въ виду того обстоятельства, что псаломщики, оканчивающіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и приготовляющіеся къ занятію священническихъ мѣстъ, могутъ составить прекрасный контингентъ учителей церковно-приходскихъ школъ въ Западномъ краѣ. Въмѣсто особой кафедры рашколы, которая вполнѣ сохраняется лишь въ витебской семинаріи, будетъ дано надлежащее мѣсто обзору латинскаго, протестантскаго и іудейскаго вѣроисповѣданій, а также обращено будетъ особенное вниманіе на изученіе западно-русской исторіи, которая теперь преподается по весьма узкой программѣ.

— «Сынъ Отечества» сообщаетъ, что на разсмотрѣніе училищнаго совѣта при св. Синодѣ поступилъ проектъ устройства въ одной изъ южныхъ епархій миссіонерской школы для борьбы съ усиливающимся сектанствомъ. Отличіе этой школы отъ другихъ миссіонерскихъ школъ состоитъ въ томъ, что будущихъ воспитанниковъ ея предполагается приготовить также къ занятію учительскихъ мѣстъ въ школахъ, такъ что миссіонерская школа будетъ въ то же время и своего рода учительскою семинаріею.

— «Новости» пишутъ, что въ святѣйшемъ Синодѣ возбужденъ вопросъ объ изысканіи и разработкѣ мѣръ, направленныхъ

къ улучшенію дѣлопроизводства въ нашихъ духовныхъ консисторіяхъ, и объ изданіи для послѣднихъ новыхъ инструкцій по этому предмету.

— Въ текущемъ году исполнилось первое пятилѣтіе существованія въ Россіи церковно приходскихъ школъ. За этотъ періодъ времени школы успѣли значительно окрѣпнуть и развиться не только въ качественномъ отношеніи, но и въ количественномъ. Такъ, къ началу 1884 года во всей Россіи было не много болѣе 3000 школъ грамотности, въ слѣдующемъ году было уже 6714 церковно приходскихъ школъ и 840 школъ грамотности, въ 1886 г. церковно приходскихъ школъ было 5670, школъ грамотности 3801, въ 1887 г. первыхъ было 6899, вторыхъ 6168 и въ 1888 г. число первыхъ дошло до 7669, а вторыхъ до 7569. Число учащихся съ 153,000, бывшихъ въ 1884 г., дошло почти до 400,000.

— До настоящаго времени начальныя народныя школы не имѣли общихъ учебныхъ программъ ни по одному изъ преподаваемыхъ предметовъ. Въ каждой губерніи, даже въ каждомъ уѣздѣ была своя программа, иногда рѣзко отличавшаяся отъ программъ сосѣднихъ губерній и уѣздовъ. Такъ какъ разногласіе программъ, особенно же программъ слишкомъ большихъ для трехъ лѣтъ обученія въ народной школѣ, не соответствуетъ условіямъ правильнаго обученія, то г. министръ народнаго просвѣщенія, какъ сообщаетъ «Нов. Время», поручилъ гг. попечителямъ учебныхъ округовъ выработать программу отдѣльно по каждому предмету обученія въ народной школѣ.

— Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія составилъ «Опытъ каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства этого министерства». Изъ предисловія къ «Опыту каталога» узнаемъ, что комитетъ не признаетъ свой «Опытъ» совершеннымъ и приглашаетъ педагогическіе совѣты присылать ему свои замѣчанія о желательныхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ. Въ каталогѣ зарегистрировано 1558 названій сочиненій, съ подробными ихъ названіями и обозначеніемъ цѣнности ихъ; книги эти безпрепятственно могутъ приобрѣтаться для библиотекъ учениковъ означенной категоріи заведеній.

— Состоящая при министерствѣ юстиціи комиссія для составленія проекта новаго гражданскаго уложенія сдѣлала, по словамъ «Нов. Времени», важныя дополненія и разъясненія въ дѣйствующихъ законахъ объ опекунахъ, попечителяхъ и душеприказчикахъ. Для точнаго опредѣленія правъ и обязанностей опекуновъ въ новомъ положеніи подробно перечислены тѣ сдѣлки, которыя опекуны имѣютъ право совершать по управленію опекаемымъ имѣніемъ безъ разрѣшенія опекунскихъ учрежденій; на совершеніе прочихъ сдѣлокъ опекуны обязаны будутъ испрашивать разрѣшенія оныхъ.

— Говорятъ, что съ начала будущаго 1890 года должность главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ упраздняется, а взамѣнъ этого восстанавливается упраздненное въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ намѣстничество.

— Опубликовано слѣдующее Высочайшее повелѣніе. Принятіе въ число присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ лицъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій подлежащими судебными установленіями и совѣтами присяжныхъ повѣренныхъ, впредь до изданія особаго по сему предмету закона, допускать не иначе какъ съ разрѣшенія министра юстиціи, по представленіямъ о семъ предсѣдателей означенныхъ установленій и совѣтовъ.

— «Свѣтъ» сообщаетъ, что Самарскій священникъ Александръ Промптовъ пожертвовалъ на устройство пріюта для бѣдныхъ и

неможныхъ священнослужителей самарской епархіи капиталъ въ количествѣ 12,600 руб., а съ наросшими на оный процентами составила сумма въ количествѣ 15,278 р. 27 к.

— Въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» сообщается, что въ селѣ Якубовкѣ, Липовецкаго уѣзда, Киевской губ., тамошній помѣщикъ г. Древенкій устроилъ чайную, въ которой продается стаканъ чаю съ сахаромъ всего по 1 копейкѣ. По праздникамъ возлѣ чайной играетъ музыка, подъ которую молодежь пляшетъ. Чайную крестьяне посѣщаютъ очень охотно. Хорошо было бы, если бы такія чайныя устраивались и въ другихъ селахъ, что могло бы послужить хорошимъ средствомъ противъ пьянства. Сами крестьяне могли бы устраивать такія чайныя, на что не требуется значительныхъ средствъ.

— Расходъ министра народнаго просвѣщенія на учебную и ученую часть выразится въ будущемъ году въ слѣдующихъ цифрахъ: университетамъ—3.150,500 р.; Демидовскому юридическому лицію—49,262 р.; гимназіямъ, прогимназіямъ и другимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ—6.067,278 р.; реальнымъ и промышленнымъ училищамъ—2.203,447 р.; уѣзднымъ и городскимъ училищамъ—1.665,296 р.; приходскимъ и начальнымъ училищамъ—1.788.784 р.; историко-филологическимъ институтамъ съ гимназіями—248,759 р.; учительскимъ институтамъ, семинаріямъ и школамъ—1.232,135 р.; на приготовленіе профессоровъ, ученыхъ командировки, предпріятія и на выдачу премій императора Петра Великаго—102,620 р.; на пособия—883,946 р.; на содержаніе ученыхъ учрежденій—717,678 р. и на пособия ученымъ Обществамъ и учрежденіямъ—67,093 руб.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

ИЗЪ ПОДОЛЬСКАГО УѢЗДА.

Освященіе вновь устроеннаго придѣла при Сергіевской, села Хатминокъ, церкви.

Сергіевскій, села Хатминокъ, храмъ существуетъ съ 1710 г. Какъ большинство древнихъ храмовъ и онъ устроенъ холодный, однопрестольный. Давно было желаніе устроить его теплымъ, но при малочисленности и бѣдности прихода осуществить сего не было возможности, такъ какъ церковный доходъ едва оправдывалъ первѣйшія нужды храма, такъ что храмъ въ главномъ приходилъ въ упадокъ. Съ поступленіемъ, въ послѣднія десять лѣтъ, въ село Хатминки теперешняго священника отца Никольскаго храмъ сталъ благоукрашаться.—Прежде—половь не было, все разрушалось—стѣны дали мѣстами трещины.

О. Никольскій прежде всего обратилъ свое вниманіе и ревность на благоустройство храма. По совѣту мѣстнаго благочиннаго о. Михаила Розанова, о. Н. П. Никольскій своимъ словомъ внушилъ прихожанамъ заботу о благоукрашеніи храма и Богъ помогъ добродѣлю; полъ сдѣланъ новый изъ лещадей а также и еще были сдѣланы поновленія. Добрые люди,—нынѣ умершіе, московскій купецъ Александръ Владиміровичъ Шишовъ и церковный староста Егоръ Федоровичъ Королевъ, видя ревность священника, пожелали устроить теплый придѣлъ, почему и обратились къ Епархіальному Начальству съ планами и прошеніемъ о разрѣшеніи устроить желаемый придѣлъ и когда было получено желаемое разрѣшеніе, то 31 мая 1887 года торжественно совершена была закладка придѣла въ честь Возіей Матери—иконы Ея Казанскія. Постройка, при ревности благотворителей и усердіи о. Никольскаго при содѣйствіи архитектора Сергѣя Константиновича Тропаревскаго при-

ившаго на себя труды по постройкѣ безмездно — шла весьма успѣшно, такъ что къ веснѣ сего 1889 года придѣлъ былъ вполне устроенъ, но смерть главныхъ дѣателей, умершихъ въ теченіи двухъ недѣль одинъ за другимъ, — именно купца Шишова и церковнаго старосты Королева — задержала на нѣсколько времени освященіе придѣла. Вновь избранный староста сынъ умершаго, П. Е. Королевъ, оказался достойнымъ преемникомъ своего отца и вполне оправдалъ довѣріе прихода и начальства. Придѣлъ освященъ 17 сентября сего 1889 года. Наканунѣ всенощное бдѣніе совершено о. Н. П. Никольскимъ, при сослуженіи прибывшихъ на торжество священниковъ. Въ самый день освященія въ 7 часовъ утра совершена обѣдня оупокоеніи благотворителей рр. В. Александра и Георгія. Къ торжеству освященія прибыли изъ Москвы жертвователи — мѣстные уроженцы, кондитеръ Минаевъ и бр. съ новыми жертвами — Крестомъ, Евангеліемъ и Сосудами.

Въ 9 часовъ утра началось освященіе по чину престола и вслѣдъ за симъ совершена литургія, по совершеніи коей возгласены многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, а также и благотворителямъ.

Такъ при помощи Божіей и добрыхъ людей совершено торжество, котораго съ нетерпѣніемъ ожидали много лѣтъ какъ мѣстные, такъ и сосѣдніе прихожане.

Села Соснина священникъ *Ипполитъ Тропаревскій*.

ЗАМѢТКИ И СООБЩЕНІЯ О ПЕЧАТИ.

„Сынъ Отечества“ — о послѣдователяхъ графа Л. Толстаго и о значеніи возрѣвнн графа ва смерть. — Письма г-жи Кохановской по поводу „Исповѣди“ Л. Толстаго. — Черногорскій журналъ „Просвѣщеніе“.

Время отъ времени продолжаютъ попадаться въ печати сообщенія о послѣдователяхъ графа Льва Толстаго. Такъ одинъ изъ сотрудниковъ газеты «Сынъ Отечества», сообщивъ два примѣра увлеченія ученіемъ Толстаго, дѣлаетъ далѣе общее сужденіе о значительномъ количествѣ послѣдователей графа, классифицируетъ послѣднихъ, и наконецъ ищетъ объясненія увлеченія Толстымъ въ успокоительномъ, умиротворяющемъ возрѣвнн его на смерть. Онъ говоритъ:

«Не находя надлежащаго удовлетворенія въ окружающей ихъ дѣйствительности, люди избираютъ подчасъ самые неожиданные пути, чтобы найти ту нравственную, духовную пищу, по которой тоскуетъ у нихъ душа. Не странно-ли, напримѣръ, что среди развитой военной молодежи особеннымъ успѣхомъ пользуется полумистическое ученіе графа Толстаго, а, между тѣмъ, это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію и о которомъ свидѣлствуютъ вполне компетентные наблюдатели русской жизни. Въ ученіе графа Толстаго безусловно увѣровалъ недавно одинъ офицеръ пѣхотнаго полка, расположеннаго въ Казани, бросившій службу и рѣшившійся жить исключительно своимъ физическимъ трудомъ, то есть сельскимъ трудомъ, какъ и его маститый учитель. Побывалъ онъ и на Кавказѣ у старообрядцевъ, и въ смоленскомъ имѣннѣ Энгельгардта и панялся, наконецъ, простымъ рабочимъ гдѣ-то въ Калужской губерніи. Неправда ли удивительно? Два или три года тому назадъ другой офицеръ, уже гвардейскій, тоже увлекся толстовскимъ ученіемъ; онъ бросилъ полкъ, богатую родню и роскошную столичную жизнь и поселился въ деревнѣ, гдѣ принялся добросовѣтно пахать, боронить и косить.

«Такимъ образомъ, идеи, пущенныя въ оборотъ графомъ Толстымъ, мало по малу прокладываютъ себѣ дорогу въ общественное сознаніе. Со всѣхъ сторонъ получаютъ свѣдѣнія объ успѣхѣ этихъ идей, засвидѣтельствованномъ беллетристами, газетными сообщеніями и устными разказами очевидцевъ. Года два, три тому назадъ послѣдователи Толстаго числились единицами; въ настоящее же время ихъ столько, что трудно даже приблизительно опредѣлить ихъ число. Къ офицерамъ, перешедшимъ на мужицкое положеніе, можно прибавить не мало другихъ интеллигентныхъ людей, приобщившихся къ физическому труду и усвоившихъ себѣ толстовскую теорію самосовершенствованія и непротивленія злу. Формулировать точно признаки новаго движенія, при его неустановившемся пока характерѣ, трудно, но уже и теперь можно замѣтить нѣкоторыя оригинальности и неровности, вкравшіяся въ дѣятельность толстовцевъ. Какъ и всякое другое ученіе, доктрина Толстаго понимается каждымъ по своему, приспособляется къ личнымъ наклонностямъ, привычкамъ и умственному развитію каждаго отдѣльнаго неофита. Одни, вдохновившись «непротивленіемъ злу», ударились, повидимому, въ нравственный индифферентизмъ; другіе, слѣдуя тому же ученію, мечтаютъ о какихъ то «обществахъ добродѣтели», призванныхъ, будто бы, возродить современное общество; наконецъ, третьи, самые многочисленные, увлеклись преимущественно внѣшней стороною толстовскихъ идей, помѣняли сюртуки на мужицкія рубахи и сдѣлались хлѣбопашцами.

«Какъ бы ни относиться къ этимъ метаморфозамъ, во всякомъ случаѣ, интеллигентныхъ людей: — онѣ несомнѣнно заслуживаютъ вниманія въ качествѣ одного изъ самыхъ интересныхъ явленій нашего времени; какъ бы строго ни судить съ известной точки зрѣнія новое ученіе, оно, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, производитъ удивительно умиротворяющее дѣйствіе, придаетъ мужество человѣку и можетъ служить утѣшеніемъ тѣмъ изъ насъ, отъ которыхъ смерть недалеко, или которые особенно тяжело испытаны жизнью. Смерти бояться нечего — говорить проповѣдникъ, — въ смерти нѣтъ ровно ничего страшнаго; она намъ кажется только страшною. Смерть въ высокой степени справедлива она только кажется намъ несправедливою. Убиваться о смерти близкаго человѣка не слѣдуетъ: «человѣкъ умираетъ только оттого, что въ этомъ мірѣ благо его истинной жизни не можетъ уже увеличиться, а не оттого, что у него болятъ легкія, или у него ракъ, или въ него выстрѣлили». Не только естественная, но и насильственная смерть, разсматриваемая съ точки зрѣнія графа Толстаго, теряетъ весь свой трагизмъ. Графъ твердо увѣренъ, что смерть наступаетъ только тогда, когда «въ этомъ мірѣ благо истинной жизни человѣка не можетъ уже увеличиться» — только *тогда* и только *поэтому* наступаетъ смерть. Графъ Толстой не придаетъ никакого значенія внѣшнимъ или случайнымъ причинамъ смерти: «не можетъ, говоритъ онъ, прекращаться начатое и неоконченное движеніе жизни человѣка въ этомъ мірѣ оттого, что у него сдѣлается нарывъ, или залетитъ бактерія, или въ него выстрѣлятъ изъ пистолета».

«Съ особенной силой разоблачаетъ Толстой всю тщету нашихъ сѣтованій на раннюю смерть. Становясь на обыкновенную людскую точку зрѣнія, графъ Толстой спрашиваетъ: «зачѣмъ одни проходятъ быстро, а другіе медленно? Зачѣмъ старикъ, засохшій, заострившій нравственно неспособный по нашему взгляду исполнять законъ жизни — увеличеніе любви, живетъ, а дитя, юноша, дѣвушка, человѣкъ во всей силѣ душевной работы умираетъ, выходитъ изъ условій этой плотской жизни, въ которой, по нашему представленію, онъ только начиналъ устанавливать

въ себѣ правильное отношеніе къ жизни? Еще понятны смерти Паскаля, Гоголя; но — Шенье, Лермонтовъ и тысячи другихъ людей, съ только что, какъ намъ кажется, начавшейся внутренней работой, которая такъ хорошо, намъ кажется, могла быть додѣлана здѣсь? Въ отвѣтъ на поставленный имъ вопросъ, графъ Толстой говоритъ, что это «намъ только кажется» и приводитъ, въ видѣ иллюстраціи своей мысли, слѣдующій примѣръ: «намъ кажется, глядя на работу кузнеца, что подкова совсѣмъ готова, — стоитъ только раза два ударить; а онъ сламываетъ ее и бросаетъ въ огонь, зная, что она не проварена». Непроваренная подкова, по мысли Толстаго, та же рано (по нашему) закончившаяся жизнь, которой, однако, и незачѣмъ было продолжаться, — потому не зачѣмъ, что, какъ уже сказано выше, благо этой жизни въ мірѣ не могло уже увеличиться. Такой жизни *тѣдовило* закончиться и, слѣдовательно, о чемъ же горевать и на что жаловаться?

«Все это можетъ быть отчасти только справедливо, но въ проповѣди графа Толстаго для насъ важны не практическіе выводы, изъ нея вытекающіе, часто ошибочные, а ея бодрящій внутренней смыслъ. Всѣмъ боящимся смерти, боящимся въ смерти утратить свое разумное отношеніе къ міру, графъ Толстой говоритъ въ утѣшеніе: «но вѣдь ты знаешь, что оно (разумное отношеніе къ міру) возникло не съ твоимъ рожденіемъ; оно существовало независимо отъ твоего родившагся животнаго и потому не можетъ зависѣть и отъ смерти его? По нынѣшнимъ временамъ, когда такъ много людей извѣрившихся и малодушныхъ, эта проповѣдь графа Толстаго получаетъ особенный смыслъ и значеніе».

Намъ кажется, что автору слѣдовало бы привести болѣе фактическихъ доказательствъ своего сообщенія о массовомъ увлеченіи проповѣдью гр. Толстаго. Въ частности, авторъ говоритъ, что самые многочисленные послѣдователи Толстаго — тѣ, которые увлеклись внѣшней стороною его ученія. Можно привести, конечно, и болѣе двухъ примѣровъ такого увлеченія, приведенныхъ авторомъ; и все таки нельзя сказать, что *многие* подъ влияніемъ Толстаго взялись за соху. Не гораздо ли больше такихъ людей, которые, начитавшись или наслышавшись толстовскихъ идей, впали въ нравственный индифферентизмъ? Не сводится ли иногда все увлеченіе Толстымъ къ повторенію его хулильных и кощунственныхъ мнѣній относительно церкви — безъ обращенія вниманія на положительную моральную сторону ученія Толстаго? Какую же въ такомъ случаѣ «духовную, нравственную пищу» находятъ въ ученіи Толстаго его послѣдователи? Односторонни и далеко не совершенны и тѣ люди, которые стремятся къ добродѣтельной жизни только по предписаніямъ Толстаго (да о нихъ что-то и не сообщаютъ лица, слѣдующія за влияніемъ идей Толстаго на общество).

Авторъ выставляетъ на видѣ «бодрящій», умиротворяющій характеръ взгляда Толстаго на смерть. Въ данномъ случаѣ разумѣются тѣ разсужденія Толстаго о смерти, которыя напечатаны были въ нынѣшнемъ году въ «Недѣлѣ». Взглядъ автора не самостоятеленъ: припоминаемъ отзывъ по поводу указанныхъ разсужденій въ «Недѣлѣ», высказанный однимъ изъ сотрудниковъ «Новаго Времени» (№ 4638), и находимъ, что авторъ статьи «Сына Отечества» просто списалъ безъ всякой цитаты — у сотрудника «Новаго Времени». Какъ бы то ни было, авторъ хотя и сдержанно, съ оговорками, — раздѣляетъ этотъ взглядъ. Между тѣмъ онъ не отличается вѣрностію. То возрѣваніе на жизнь, какъ на неизмѣнно сохраняющуюся *въ родѣ* — не смотря на прекращеніе ея въ отдѣльномъ индивидуумѣ, которое пропо-

вѣдуетъ Толстой въ качествѣ утѣшенія въ неизбежности для всѣхъ смерти, если дѣйствительно воспринимается сознаниемъ кого-либо, можетъ имѣть значеніе развѣ только *самообмана*. Если жизнь человѣческаго рода будетъ идти своимъ чередомъ и послѣ моей смерти, то отъ сознанія этого мнѣ *лично*, скрѣпящему о предстоящемъ разрушеніи моей *личной* жизни, насколько не легче. Такъ утѣшать въ неизбежности смерти — значить только отводить въ сторону отъ печальной дѣйствительности, печальной въ томъ случаѣ, — если бы въ самомъ дѣлѣ не было *личного* безсмертія. Что же касается до того взгляда, что жизнь человѣческая, когда кончается преждевременно, кончается потому именно, что человѣкъ не можетъ уже идти впередъ по пути добра, блага, — то онъ отличается произвольностію, бездоказательностію.

* * *

Съ того времени, какъ графъ Л. Толстой написалъ свою «Исповѣдь», прошло уже нѣсколько лѣтъ. Интересно теперь узнать о томъ впечатлѣніи, какое произвела она на нѣкоторыхъ лицъ при своемъ появленіи. Вотъ наприм. извлеченіе изъ письма покойной Н. С. Соханской-Кохановской, одной изъ лучшихъ нашихъ беллетристическихъ писательницъ, симпатичный талантъ которой въ свое время былъ оцѣненъ Константиномъ Арскаковымъ и Н. П. Гиляровымъ (нѣкоторыя письма ея напечатаны въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника»). Мнѣ, — пишетъ она къ С. И. Погодиной, супругѣ М. П. Погодина, попала въ руки «Исповѣдь» гр. Льва Толстаго». Знакомы ли вы съ нею? Не возмутится всѣмъ вѣрующимъ чувствомъ души противъ этого безобразія ума, величающаго себя *философіей*, нельзя было. Душа чувствовала властную на себѣ обязанность не молчать, не дать увѣриться и безъ того громадно заблудшему себялюбію и гордости, что это — бездна премудрости, противъ которой нѣтъ возраженія. И вотъ я начала писать *отвѣтъ*, который разросся въ довольно большую тетрадь. Одинъ изъ рукописныхъ экземпляровъ его Кохановская «послала критику «Новаго Времени», который назвалъ Толстаго — кѣмъ бы вы думали? — *учителемъ церкви!* Въ нашей умственно общественной средѣ совершаются такія непостижимыя недомыслия, что передъ ними останавливаешься въ недоумѣніи и вспоминаешь слова священнаго писанія: «называя себя мудрыми, обезумѣли». Такъ Юрѣвъ въ «Русской Мысли», назвалъ убійцъ, цареубійцъ, всѣхъ этихъ динамистовъ и динамистокъ, — мучениками первыхъ вѣковъ христіанства!»

Писаніе *отвѣта* Кохановская считала «своимъ душевнымъ дѣломъ». Она посылала свое возраженіе и самому графу Толстому, но «неполучила ни слова отвѣта». Потомъ она первая рѣшила открыть печатный походъ противъ «Исповѣди» и послала свой *отвѣтъ* въ редакцію «Гражданина» (которая и напечатала его). Вотъ что писала она, отправляя свою рукопись въ редакцію: «Безъ сомнѣнія, вы знакомы съ нею — вы читали «Исповѣдь графа Толстаго». Печатный ядъ ея разливается повсюду, когда онъ могъ достигнуть меня даже въ моемъ уединеніи. Во всѣ времена христіанства были и могутъ быть заблуждающіеся и невѣрующіе писаніе, — это еще полбѣды; но вотъ настоящая бѣда и умственная и нравственная: когда христіанское общество терпитъ въ своей средѣ распространеніе этихъ сочиненій и не возражаетъ, — оставляетъ имъ полную властную свободу заражать умы и колебать сердца выводами будто-бы философской науки, подвѣряемой именемъ знаменитаго писателя. Неужели это должно быть такъ? Неужели философія гр. Льва Толстаго такъ сильна, что девятнадцативѣковая сила вѣры Христовой можетъ молчать пе-

редь нею, и мы, называемые вѣрующіе, должны поникнуть головами и принять опредѣленіе всѣхъ насъ въ глупцы, и святое святыхъ душъ нашихъ слышать названнымъ въ философскихъ терминахъ графа прямымъ словомъ: жи, безсмыслицы и вздора!» По мнѣнію горячо вѣрующей писательницы, «Исповѣдь» Томстаго — «это не просто литературная статья, а приманка яда, къ которой присасывается наша молодежь, какъ къ послѣднему слову философскихъ выводовъ науки и еще въ словахъ такой нашей писательской знаменитости. Будемъ ли равнодушны къ всему этому, — когда невѣріе и безвѣріе осиливаетъ насъ на всѣхъ путяхъ и перепутьяхъ нашей общественной жизни, и самоубійство молодыхъ людей поражаетъ насъ изодня въ день неосмысленностію и безпричинностію», между тѣмъ какъ, «это и есть смыслъ и логическій выводъ Шопенгауерской философіи, возвѣщаемой въ «Исповѣди» графа»...

*
*
*

Въ Цетиньѣ съ начала нынѣшняго года издается Министерствомъ Просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ журналъ «Просвѣщеніе» (Просвѣта, листъ за црквию и школу). Какъ видно изъ самого заголовка, журналъ трактуетъ о вопросахъ церковныхъ и педагогическихъ. Тѣ и другіе разрабатываются по 2 отдѣламъ — официальному и неофициальному. Такъ въ первомъ помѣщаются церковныя распоряженія черногорскаго митрополита Митрофана (напр. о вѣнчаніи браковъ, о совершеніи водоосвященія на рѣкахъ и т. п. мѣстахъ въ день Богоявленія и др.), распоряженія министра просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ (напр. дисциплинарныя правила для учениковъ богословско-учительской школы), — школьные отчеты и т. п. Въ неофициальномъ отдѣлѣ помѣщаются проповѣди митрополита Митрофана, статьи богословскаго содержанія (напр. «Церковь и государство»), статьи, касающіяся общихъ вопросовъ о просвѣщеніи (напр.: «Нужно ли для Черногоріи просвѣщеніе?»), небольшіе очерки по различнымъ отраслямъ знанія, какъ-то — по исторіи, археологіи, геологіи и т. д. (при этомъ разрабатываются болѣе мѣстные вопросы, какъ видно изъ такихъ наприм. заглавій статей: «Значеніе битвы Коссовской», «Минеральные слои Черногоріи»). «Просвѣщеніе» вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ въ себѣ и газетный матеріалъ: въ немъ есть напр. «Церковное обозрѣніе» за 1888 годъ, составленное по «Церковному Вѣстнику» (самостоятельна только рубрика «Сербство»), въ немъ ведется лѣтопись событій изъ церковнаго и педагогическаго міра подъ обычными рубриками (библіографія, некрологъ и т. д.). «Просвѣщеніе» касается всѣхъ важныхъ явленій и въ нашей русской Церкви и не проходитъ напр. молчаніемъ полемики съ гр. Л. Толстымъ, приводитъ даже въ переводѣ то горячее открытое письмо, съ которымъ обратился къ Толстому одинъ его пріятель передъ праздникомъ Пасхи нынѣшняго года. Новый черногорскій органъ печати проникнуть горячимъ сочувствіемъ къ Россіи, съ воодушевленіемъ выраженнымъ по поводу напр. извѣстныхъ — важныхъ для Черногоріи событій минувшаго лѣта... Отъ души желаемъ успѣха новому изданію.

БИБЛИОГРАФІЯ.

ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ ΤΟΥ ΚΑΛΟΓΕΡΑ. Λόγος.. κατά τήν.. μετακομιδὴν τῶν ἱερῶν λειψάνων τοῦ αἰδίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Γρηγορίου τοῦ Ε'. Ἀθήνησιν. 1871. 8. 16 стр.—Λόγος πανηγυρικός εἰς τὸν ἅγιον Διονύσιον τὸν Ἀρεοπαγίτην... Ἐν Ἀθήναις. 1887. 8. 16 стр. *)

Если сравнительно давно сказанное пр. Никифоромъ слово о патр. Григоріи касается одного изъ новѣйшихъ дѣятелей греческой церкви, почти на глазахъ современниковъ увѣнчанаго мученичествомъ — то другая изъ означенныхъ въ заглавіи рѣчей восходитъ своимъ содержаніемъ къ самому началу христіанства. Она произнесена 2 года тому назадъ при освященіи воздвигнутаго въ Афинахъ перваго храма во имя покровителя города, св. Діонисія Ареопагита. Въ основу рѣчи не положено текста. Въ Афинахъ до послѣдняго времени не было храма первоначальнику греческой церкви. Это первая мысль, останавливающая на себѣ вниманіе оратора. «Часто случается», начинаетъ онъ, «благочестивые слушатели, часто случается, по невѣдѣнію ли или по равнодушію или по чрезмѣрной заботливости о житейскихъ дѣлахъ, что мы къ несчастію нашему пренебрегаемъ самыми священными обязанностями». Въ такомъ случаѣ скольконибудь выдающагося повода достаточно, чтобы пробудить стремленіе къ исполненію долга. «Такое опущеніе священнѣйшей обязанности — по отношенію къ блаженному Покровителю и Отцу нашему Діонисію Ареопагиту — имѣло мѣсто и у насъ. Но вотъ нынѣ сей новозданный храмъ освященіемъ своимъ особенно живо напомнилъ намъ, что слѣдовало сдѣлать. Съ ранняго утра сталъ онъ сзывать весь городъ и вы услышали и поспѣшили сойтись въ безчисленномъ множествѣ. Видъ вашъ свѣтелъ и радостенъ: таковы всегда лица тѣхъ, кто совершаетъ въ жизни благія, богоугодныя дѣла. Вы пожелали, быть можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ показать на дѣлѣ, что древніе обычаи Церкви еще не потеряли у насъ свою силу, и нуженъ лишь предлогъ для того, чтобы укрѣпить безсильное, оживотворить охладѣлое, пробудить уснувшее, — чтобы опять явить все въ прежнемъ блескѣ и крѣпости». Послѣ этого приступа, въ которомъ указано на важность торжества и вмѣстѣ дано и наставленіе и ободреніе слушателямъ, авторъ переходитъ къ ближайшему установленію предмета рѣчи. Въ переходѣ припоминается, какъ праздновали освященія храмовъ въ Востѣ почивающіе предки. Свѣтло и радостно, въ самыхъ праздничныхъ одеждахъ, спѣшили они въ храмъ, призывая къ участию и иновѣрныхъ согражданъ. Весь городъ принималъ торжественный видъ, а духовные ораторы состязались въ стараніяхъ возвысить торжество и, излагая житіе и дѣянія святаго, во имя коего освящался храмъ «истинно насыщали души собравшихся духовной трапезы». Будучи увѣренъ, что его благочестивые слушатели почитаютъ этотъ обычай предковъ, ораторъ проситъ ихъ дозволить и ему сегодня предложить имъ простую, умѣренную трапезу въ краткомъ разсказѣ о ихъ «святомъ Покровителѣ Діонисіи» и надѣется, что за скудость его рѣчи ихъ вознаградитъ богатство и щедрость «сзывающаго» ихъ «на пиршество святителя». «Въ немъ имѣемъ мы, говоритъ пр. Никифоръ, богослова, философа, оратора, астронома, Ареопагита, равноапостольнаго, іерарха, Мученика. И все это притомъ въ чрезвычайной мѣрѣ, такъ что трудно найти ему въ томъ совершенно равнаго». Кромѣ умаленія собственныхъ силъ, авторъ прежде чѣмъ приступитъ къ изложенію, употребляетъ

*) См. № 45.

и другое средство усиленія предмета, особенно умѣстное въ данномъ случаѣ—указаніе на затруднительность начала, на недоумѣніе, какое изъ свѣдѣній святиителя разсмотрѣть прежде.

«Все, какъ вы видите, продолжаетъ онъ, очень хорошо; одного боюсь, чтобы на семь духовномъ пиршествѣ не нарушила какъ святолюбивыя намѣренія пригласившаго святаго, такъ и похвального настроенія приглашенныхъ на пиръ неопытность меня, его изготовителя». Затрудняетъ его и самое изобиліе предмета: онъ не знаетъ съ чего начать, испытываетъ то, что бываетъ часто, съ людьми, когда «будучи отовсюду окружаемы счастьемъ и изобиліемъ безъ конца, они противъ ожиданія оказываютъ въ мучительно стѣсненномъ положеніи»...

Изложеніе начинается съ изображенія св. Діонисія какъ Ареопагита; взоръ оратора падаетъ на Ареопагъ и это полагаетъ конецъ его нерѣшимости: «Но что я говорю? Вотъ прямо напротивъ—я ясно вижу его—возвышается холмъ Ареопага». Видъ этотъ напоминаетъ ему знаменитое Судилище и святость сана Ареопагита. Предоставляя другимъ, мудрѣйшимъ «достойное восхваленіе всѣхъ его подвиговъ за вѣру во Христа, подробное описаніе народовъ и странъ, просвѣщенныхъ имъ евангельскимъ благовѣстіемъ, прославленіе его чрезвычайныхъ достоинствъ какъ іерарха, удивленіе передъ моремъ его богословской мудрости», изображеніе его глубокихъ философскихъ познаній и т. д., проповѣдникъ останавливается на Ареопагѣ и воображаетъ себѣ Діонисія засѣдающимъ тамъ и слушающимъ рѣчь апостола Павла. Всѣмъ извѣстенъ прекрасный разсказъ о томъ въ книгѣ Дѣяній. Приводитъ его излишне. Также не входитъ ораторъ и въ разсмотрѣніе исторіи и устройства Судилища. Онъ указываетъ лишь на тотъ важный для него фактъ, что, по единоглавному свидѣтельству древняго міра, судъ Ареопага всегда былъ неподкупенъ и что не было случая, чтобы обвинитель или обвиняемый когда либо жаловался на несправедливость рѣшенія. «О Судилище, восклицаетъ онъ, какъ высока твоя доблесть! твоя хвала, которую никогда не помрачала зависть, твоя слава, оставшаяся до конца незапятнанной!» Изъ добродѣтелей Ареопагитовъ ораторъ заключаетъ, что и вообще Аѳиняне, коихъ Судилище было отраженіемъ, отличались добродѣтелями. Но въ санъ членовъ Ареопага избирались изъ нихъ наилучшіе люди, отличавшіеся «не только сокровищами мудрости, но сверхъ того еще благомысліемъ, скромностью, справедливостью, мужествомъ и особымъ благородствомъ».

«Если поэтому таковъ долженствовалъ быть въ Ареопагѣ каждый изъ судей, Судите же, каковъ былъ главный изъ нихъ. Ибо вамъ слѣдуетъ знать, что св. Діонисій, какъ передаютъ намъ древнѣйшіе писатели, былъ предсѣдателемъ Ареопага». Все сословіе это было блестящимъ: онъ, какъ предводитель его былъ еще блистательнѣе. Ораторъ воздерживается входить въ дальнѣйшее сравненіе, которое показало бы его превосходство передъ сочленами, боясь впасть въ ошибку тѣхъ неловкихъ манегиристовъ, которые «чтобы представить напр., восхваляемаго или Геркулесомъ, знаютъ одно только средство, именно изобразить прочихъ пигмеями», и обращается къ жизни св. Діонисія: «Мы знаемъ, говоритъ онъ, благочестивое собраніе, изъ исторіи, что св. Діонисій родился въ Аѳинахъ въ девятомъ году отъ рождества Спасителя нашего. Что онъ происходилъ изъ славнаго рода, получилъ благородное воспитаніе, и пользовался у Аѳинянь особымъ почетомъ, это непререкаемо утверждаютъ и его санъ Ареопагита и особенно неложное свидѣтельство Евангелиста Луки. Именно упоминая о немъ сей богодухновенный писатель не говоритъ «между коими былъ мужъ именемъ Діонисій»,

а говорить «между коими былъ и Діонисій Ареопагитъ». А это счедидно показываетъ, что святой отецъ былъ весьма извѣстенъ и знаменитъ въ тогдашнемъ мірѣ». Что касается до того, что онъ съ чрезвычайной тщательностію прошелъ весь кругъ тогдашняго образованія и достигъ совершенства въ философіи, риторикѣ, астрономіи, то въ этомъ легко убѣдиться изъ его сочиненій.—Путешествіе св. Діонисія въ Египетъ есть для пр. Никифора свидѣтельство, что св. мужъ принадлежалъ къ тѣмъ выдающимся натурамъ, которыя никогда не останавливаются на приобрѣтенныхъ свѣдѣніяхъ, всегда стремясь съ энтузіазмомъ и неохладѣвающей любовью къ новому болѣе совершенному знанію, что по благородству души и стремленій онъ не уступалъ тѣмъ великимъ людямъ, какъ «Солонъ, Фалесъ, Пифагоръ, Евдоксъ, самъ Платонъ и столько другихъ», «которые всѣ посвящены были въ таинства мудрости египетскихъ жрецовъ».

«Послѣдуемъ, продолжаетъ онъ, за нимъ нѣсколько и въ Египтѣ.—Въ тѣ времена какъ очагъ мудрыхъ египетскихъ жрецовъ славился Иліополь, гдѣ поселился и нашъ Покровитель, отбывши изъ Эллады. Но будучи посвящаемъ тамошними мудрыми жрецами въ тайны ихъ мудрости и ревнуя о томъ чтобы глубже проникнуть въ ея святилища, се въ самый полдень вдругъ видитъ онъ, что солнце скрыло свои лучи на цѣлыхъ три часа и земля потрясается и страшно трепещетъ. Увы! въ тотъ часъ Господь висѣлъ на Голгоѣ на крестѣ и вкушалъ, о чудо, смерти источникъ жизни ради спасенія міра. Явленіе это, скажу вамъ, благочестивые слушатели, да не приметъ никто за одно изъ обычныхъ въ природѣ затменій.

Во время совершеннаго полнолунія, т. е. когда два свѣтила, солнце и луна находятся въ діаметрально противоположномъ другъ другу положеніи, солнце въ самой срединѣ неба неожиданно сокровило свои лучи. По какому же закону это случилось? Какъ среди яркаго сіянія полудня могъ водвориться глубокой мракъ: для ума естественнаго невозможно понять этого, но для творческаго, промыслительнаго, вседержительнаго исполнить весьма возможно.—Изумленіе и ужасъ естественно охватили блаженнаго Діонисія, когда онъ увидаль помраченіе солнечнаго диска и въ тоже время ощутилъ страшное колебаніе земли. Изумленіе и ужасъ? Да, изумленіе и ужасъ. Но почему же? Потому, смиренные христіане, замѣтьте это, что малые Ареопагиты и малые Ньютоны всегда изумляются и ужасаются передъ лицомъ неисповѣдимой силы и мудрости Творца. И когда великія свѣтила квадратнаго корня будутъ надменно внушать вамъ отвергнуть всякій законъ, превосходящій ихъ разумъ, вамъ слѣдуетъ обратиться къ благочестивому созерцанію этого изумленія и этого ужаса которые возмущеніе стихій произвело въ блаженномъ Діонисіи—какъ плода великой мудрой и вдохновеной души». Этой минутой вдохновился юный живописецъ греческій, постаравшись выразить ее въ своемъ образѣ, «какъ священное зрѣлище для вступающихъ въ храмъ. Онъ надписалъ на немъ и славное изреченіе великаго Діонисія, свѣтлый отблескъ его ужаса и изумленія: «Невѣдомый Богъ страждетъ: черезъ него помрачилась и потряслась сія вселенная».

Съ этой блаженной минуты св. отецъ, можно сказать принялъ въ душу свою первый лучъ истины. Съ этой минуты началъ онъ проникать совершенныя тайны Божьей премудрости, которыя долѣ напрасно старался изучить отъ прославленныхъ мудрецовъ Греціи и Египта... «О преблаженное путешествіе блаженнаго Діонисія! О многоцѣнное сокровище, каковаго до него не приносилъ съ собою ни одинъ изъ Эллиновъ, сихъ столь заблудившихъ искателей мудрости».

«Здѣсь, братіе, я ни мало не колеблюсь назвать св. Діонисія уже нѣкоторымъ образомъ Христіаниномъ, прежде чѣмъ онъ услышалъ рѣчь Апостола Павла въ Ареопагѣ, Апостоломъ, хотя не непосредственно отъ Христа, но посредственно черезъ голосъ стихій природы посланнымъ, посвященнымъ, прежде чѣмъ онъ посвященъ былъ въ таинства вѣры, совершеннымъ въ вѣрѣ, прежде чѣмъ онъ освѣщенъ былъ лучами Благодати. Не колеблюсь назвать его съ этого времени свѣтиломъ, еще полусвѣтлымъ, но которое скоро должно было заблестать полнымъ свѣтомъ.—И вотъ настало это время. Пятьдесятъ второй годъ исполнялся Міру отъ рождества Господа, когда великій Апостольскій языкъ, пройдя много странъ... пришелъ и въ Аѳины, въ древнія, говорю и славныя Аѳины!» Слѣдуетъ характеристика нравовъ и образованія тогдашнихъ Аѳинянъ Патриотическое одушевленіе замѣтно овладѣваетъ здѣсь ораторомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ этого слова, предметъ коего неоднократно обращаетъ его къ славному прошлому и увлекаетъ къ классическимъ воспоминаніямъ. Хотя Аѳиняне и тогда какъ прежде особенно славилась мудростью и особою ревностью къ своимъ богамъ и обрядамъ, но въ то же время они отличались и большимъ челоуколюбіемъ, добродушіемъ, терпимостью: этимъ объясняется ихъ благосклонное отношеніе къ ученію ап. Павла. Найдя его на площади говорящимъ о вѣрѣ «захвативъ какъ возмутителя, проповѣдника новыхъ божествъ». Аѳиняне не нанесли ему оскорбленія и не причинили вреда, какъ было въ большей части другихъ греческихъ и римскихъ городовъ. «Что же они сдѣлали?» Привели его въ Ареопагъ и говорили: можемъ ли мы знать, что это за новое ученіе, проповѣдуемое тобою? «Тонкое аѳинское воспитаніе, аттичская вѣжливость въ обращеніи ясно выразились, гов. пр. Никифоръ, въ этихъ немногихъ словахъ. Обдуманная и смѣлая рѣчь апостола какъ громъ поразила членовъ Ареопага и смутила ихъ такъ, что они не нашлись ничего сказать и поспѣшили отпустить его. Какое же смѣненіе должно было произойти въ душѣ Діонисія! Видъ, воодушевленіе, убѣжденность, дѣйствіе на Ареопагитовъ проповѣдника, все поражаетъ его. «А сверхъ сего что онъ узнаетъ отъ него? Узнаетъ во первыхъ, что невѣдомый Богъ открылся. Узнаетъ во вторыхъ, что—пострадалъ». Его собственное изреченіе въ Египтѣ неизбѣжно вспомнилось ему. Будучи расположенъ думать, что «страждущій невѣдомый Богъ или открылся гдѣ либо въ мірѣ или долженъ открыться, онъ нуждался лишь въ воздѣйствіи, чтобы получить въ себѣ увѣренность». Услыхавъ рѣчь апостола онъ «тотчасъ же увѣряется, тотчасъ же передъ всѣми объявляется христіаниномъ, тотчасъ же душа его таинственно соединяется съ душою Павла, тотчасъ же пристаетъ къ нему». «Нѣкоторые же мужи приставъ къ нему, увѣровали; между нимъ былъ и Діонисій Ареопагитъ».—Это обращеніе Ареопагита, представлявшаго собою воплощеніе аѳинской мудрости и благородства ораторъ представляетъ какъ великій триумфъ ап. Павла, который «какъ великій Олимпійскій побѣдитель сходитъ съ холма Ареопага, приобрѣта въ блаженномъ Діонисіи вѣчный трофей своего богодухновеннаго слова». Встрѣча съ апостоломъ не осталась для блаженнаго Діонисія безъ дѣйствія. «Какъ всѣ великія души, не спокойно и медленно, а съ жаромъ и силою подвигаются на дѣло, такъ и онъ исполнившись вѣры въ истину возвѣщеннаго Павломъ, немедленно и безраздѣльно сдѣлался его ученикомъ». День и ночь внимаетъ онъ апостольскому ученію. Апостольскій почитаетъ его достойнымъ іерархической степени и поставляетъ первымъ епископомъ Аѳинъ. Ораторъ съ любовью останавливается на этомъ событіи и въ длинномъ обращеніи къ Аѳинянамъ прослав-

ляетъ родной городъ, удостоившійся своимъ іерархомъ увидѣть плоть отъ плоти своей:

«Радуйся, градъ Бекропса, восклицаетъ онъ!.. тебѣ первому слѣдовало по всей справедливости облечься въ украшеніе столь почетное.. Къ тебѣ мы обращаемся съ словомъ «радуйся». Твои древніе писатели различно восхваляли твое имя. Они назвали тебя славнымъ нарекли тебя *фіалковичанымъ*, наименовали тебя *Эмладой Эмлады*, украсили тебя самымъ прекраснымъ эпитетомъ назвавъ *окомъ* всей Греціи», увѣнчали тебя однимъ словомъ всѣми сладостными цвѣтами поэзіи. Все это были конечно блестящіе образы, но образы уже минувшей твоей славы и силы. Величіе твое сокрушило частію всепокоряющее время, частію вражья ненависть и жадность, частію неразуміе твоихъ собственныхъ сыновъ. «И все же радуйся! ибо ты тогда, увидавъ зоркими очами своего перваго Іерарха, что вдали готовятся еще страшнѣйшія бури, благоразумно искала себѣ спасенія въ вѣрѣ въ Спасителя. Радуйся! ты, какъ первый городъ эллинизма показалъ примѣромъ, что свои надежды надо основать впродъ на твердомъ якорѣ Христіанства. Радуйся..»—Но желая показать справедливую гордость Аѳинъ ихъ первымъ іерархомъ, проповѣдникъ, сознается, что оказывается плохимъ пашегиристомъ: онъ забываетъ безчисленное множество другихъ странъ и народовъ также гордящихся своимъ апостоломъ. Св. Діонисій явился пастыремъ и учителемъ почти всей вселенной. «Древнѣйшіе писатели, описывая намъ длинный путь, совершенный св. Діонисіемъ съ проповѣдью, считаютъ его вдвое длиннѣе совершеннаго Павломъ... Кромѣ странъ населенныхъ Греками, Римлянами и Іудеями кругъ его апостольства обнималъ, какъ сообщаютъ всю Иллирію, всю Галлію, всю Германію, не выключая и самой Испаніи... Какіе только народы не жили въ этихъ обширныхъ предѣлахъ земли! По истинѣ неисчислимы по множеству, неразличимы по названію, разнородные по происхожденію, неодинаковые по нраву, разнообразны по обличію, несходные по говору, непривѣтливые къ чужеземцамъ, незаконные съ сосѣдями, свирѣпые съ домашними, дикари и варвары сами по себѣ,—они имѣли одно общее, что всѣ были одинаковы погружены въ глубочайшій мракъ нечестія. И если вы можете вообразить себѣ, что существовалъ когда либо столь тупой и безчувственный народъ, который бы солнце, это блестящее и благодѣтельное свѣтило дня, могъ поносить при восходѣ и проклинать при заходѣ, то, можно сказать и въ такомъ не было недостатка въ этихъ странахъ». Ораторъ не иначе находитъ возможнымъ понять и наглядно представить слушателямъ этотъ неутомимый переходъ апостола отъ народа къ народу, образъ и дѣйствіе этого перехода, какъ посредствомъ сравненія. Онъ сравниваетъ прославляемаго святаго съ облакомъ: «но не съ простымъ облакомъ, а съ такимъ, которое имѣя отъ природы свойство давать тѣнь вслѣдствіе своей густоты или низводитъ росу вслѣдствіе собранныхъ въ немъ дождевыхъ испареній, сверхъ того имѣло бы и свойство давать яркій свѣтъ; поднималось бы высоко и опять опускалось и приближалось къ землѣ не безцѣльно, а по разумной причинѣ; по обстоятельствамъ бы останавливалось, по обстоятельствамъ двигалось медленно, а когда призываетъ нужда, несло стремительно и громомъ возвѣщало крылатый бѣгъ свой». Такое облако, «двинувшись изъ Аѳинъ, раскрылось, растянулось, оросило, освѣтило, освѣтило и согрѣло многія и многія страны».

Кончая слово, авторъ изображаетъ кончину св. Діонисія, которую онъ «апостольски запечатлѣлъ мученичествомъ» въ Парижѣ и при этомъ не опускаетъ случая сдѣлать сближеніе между столицами новаго и древняго міра. Среди столькихъ странъ, пройденныхъ

апостоломъ, «повидимому славной столицѣ Франціи было предназначено, чтобы ея Церковь украсилась тою царственной порфирой, которую соткали его труды и окрасила его мученическая кровь». По древнѣйшимъ свидѣтельствамъ «въ Парижѣ именно, при Траянѣ, былъ обезглавленъ великій Діонисій на осьмидесятомъ году своей жизни». «Хотя новѣйшая критика утверждаетъ», что совершенно опровергнула это преданіе, но Парижане крѣпко держатся за него. И это не удивительно. «Развѣ мало способствуетъ величію столицы новѣйшаго Мира, то, что она своимъ Покровителемъ будетъ имѣть первоіерарха маститой столицы Мира древняго?» — Но при этой мысли о «благочестивой и похвальной гордости парижанъ», св. Діонисіемъ притомъ отнюдь не опирающейся на столь твердую почву исторіи, ораторъ опять вспоминаетъ о неизвинительномъ равнодушіи Аѳинянъ къ своему Покровителю, которому доселѣ не создавали никакого храма: имъ овладѣваетъ стыдъ. «Я не вижу, гов. онъ, что мы можемъ сказать въ свое оправданіе..., мы особенно, нынѣшніе Аѳиняне, которые настолько, позвольте мнѣ такъ выразиться, легкомысленно любимъ подражать всему парижскому, — что какъ смѣшно само по себѣ, такъ нерѣдко вредно по отношенію къ здоровью и добрымъ нравамъ». Но какъ бы то ни было, долгъ наконецъ исполненъ. «Сегодня, заключаетъ пр. Никифоръ, всѣ преемники св. Діонисія на митрополи сей, Публіи и Кодраты, мужи апостольскіе и громкіе защитники христіанства, Писты, Іоанны и Аѳанасія», борцы за православіе въ Патрахъ, Леониды и Аноимы и другіе многіе радуются о прославленіи своего предшественника. «Съ настоящаго дня наконецъ ежегодное празднество великаго Діонисія становится новымъ всенароднымъ торжествомъ Аѳинянъ».

Такъ оканчивается слово. Въ предъидущемъ по возможности передано его существенное содержаніе, болѣе любопытныя мысли и картины. По объему какъ слово о патр. Григоріи, такъ и похвальная рѣчь св. Діонисію одинаково велики и занимаютъ 13—14 стр. мелкой печати. Суть ихъ можетъ быть выражена гораздо короче, но надо сказать, что и впечатлѣніе извлеченія должно быть слабѣе. Особенно поддаются сокращенію ораторскія повторенія, видоизмѣненіе и развитіе мысли, но такъ какъ онѣ отнюдь не излишни, то и дѣйствіе оригинала на нихъ рассчитанное при этомъ необходимо теряется. Рѣчи искусно построены согласно съ своею цѣлью—произвести наибольшее дѣйствіе на слушателей. Ораторъ не бросаетъ мысли одна за другой, но высказавъ мысль, развиваетъ ее въ цѣломъ рядѣ оборотовъ, выставляющихъ ее съ какой нибудь новой стороны — приемъ, дающій возможность слушающимъ остановиться на ней вниманіемъ; разнообразить рѣчь, чередуя развитіе доводовъ съ образами и картинами и по временамъ вставляя краткое, но поразительное замѣчаніе или рѣзкое правоученіе. Особая тщательность отдѣлки сама собою связана съ такого рода выработкой рѣчей: мѣстами эта отдѣланность при чтеніи — въ произношеніи можетъ быть совсѣмъ иное—даже грозила бы перейти въ искусственность, если бы не согрѣвающее ихъ теплое чувство. Частию особенности стиля, кажется и должны быть отнесены на счетъ особой живости и страстности, т. е. національнаго характера автора.— Повтореніемъ мысли въ измѣненной формѣ, въ новомъ отношеніи, нанизываніемъ на одну нить то разноцвѣтныхъ, то болѣе крупныхъ камней достигается не только уясненіе, большая замѣтность мысли, но и усиленіе ея дѣйствія, возвышеніе паѳоса. Таковы и болѣе частыя, чѣмъ у насъ, напр., восклицанія.— Замѣтимъ въ заключеніе, что къ вышеуказаннымъ достоинствамъ слога присоединяются характеризующія его рели-

гиозное и патриотическое одушевленіе и значительная сила фантазіи: онъ проникнуть по мѣстамъ сильнымъ поэтическимъ чувствомъ и едва ли будетъ ошибочно отнести рѣчи пр. Никифора къ мастерскимъ произведеніямъ церковнаго краснорѣчія.

Р.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ГЕОРГІЕВСКАГО ДОМА ПРИЗРѢНІЯ ДУХОВНЫХЪ ЛИЦЪ.

1889 года ноября 3 дня исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня открытія 1864 года ноября 3 дня—Георгіевскаго дома призрѣнія для бѣдныхъ, больныхъ, увѣчныхъ и безпріютныхъ лицъ блага духовенства Московской епархіи, основаннаго и содержимаго доселѣ на средства данныя блаженной памяти графиню Анною Георгіевною Толстою и находящагося при церкви св. великомученика Георгія, въ Грузинахъ. Кто внушилъ графинѣ Аннѣ Георгіевнѣ первую мысль устроить пріютъ для бѣднаго духовенства, намъ неизвѣстно; но какъ показываетъ дѣло, графиня всегда была расположена къ духовенству церкви православною и не довольствуясь тѣмъ, что было сдѣлано ею въ пользу духовенства при ея жизни, завѣщала устроить новый пріютъ подъ названіемъ Александровскаго, въ приходѣ церкви Покрова Божіей Матери, въ Кудринѣ, и отказала значительныя суммы (155000) на устройство и содержаніе пріюта. Благодареніе для духовенства можно сказать безпримѣрное! Мы не думаемъ, чтобы кто нибудь изъ Московскаго духовенства не зналъ о существованіи—по простому выраженію Георгіевскаго пріюта въ Грузинахъ, но едва ли всѣмъ извѣстны, какъ условія существованія пріюта, такъ и порядокъ управленія пріютомъ а послѣднее пожертвованіе такъ ново, что знаютъ о немъ въ Москвѣ только по слухамъ; потому намъ кажется излишнимъ передать во всеобщее свѣдѣніе нѣсколько подробностей относительно Георгіевскаго пріюта, и тѣ данныя, которыя официально извѣстны намъ, относительно имѣющаго вскорѣ открыться Александровскаго пріюта — въ память Сіятельнѣйшей благодѣтельницы духовенства.

Кто не знаетъ, что бѣлое духовенство, особенно сельское, не имѣетъ возможности не только устраивать пріюты для бѣдныхъ изъ среды своей, но и обезпечить каждому порознь самого себя на случай несчастія, старости или болѣзни. Потому обязанность позаботиться объ устройствѣ безпріютныхъ лицъ изъ служащаго или приходскаго духовенства приняло на себя само епархіальное начальство: такъ по распоряженію преосвященнѣйшаго митрополита Иннокентія устроена была Островская богадѣльня, гдѣ находятъ пріютъ вдовы и сироты, заштатные и больные,—нашлись и частные благотворители и благотворительницы, которые дали средства для устройства нѣсколькихъ уже существующихъ въ Москвѣ, пріютовъ для лицъ блага духовенства,—и именно, а) дома Горихвостова, б) пріюта Малюшинскаго, при церкви Покрова Божіей Матери, въ Красномъ селѣ, в) пріюта при церкви св. Трехъ Святителей, у Красныхъ воротъ, г) пріюта при церкви св. Николая, въ Звонаряхъ и д) нашего Георгіевскаго пріюта въ Грузинахъ. Пріютъ Георгіевскій былъ, исключая демъ Горихвостова, открытъ ранѣе другихъ, еще при блаженной памяти преосвященнѣйшемъ митрополитѣ Филаретѣ, который самъ всегда съ особенною заботливостію относился къ нуждамъ духовенства. Съ радостію и благодарностію принялъ преосвященный митрополитъ Филаретъ предложеніе графини Толстой—устроить пріютъ для бѣдныхъ духов-

наго званія, самъ начерталъ правила для устройства и управленія приютомъ, самъ былъ и служилъ при открытіи приюта не смотря на свою старческую немощь. Земля, на которой находится приютъ, домъ и флигель, въ которыхъ въ настоящее время живутъ призрѣваемые въ приютѣ, принадлежали графинѣ Толстой и переданы ею въ вѣдѣніе епархіальнаго начальства съ тѣмъ, чтобы они составляли собственность приюта. Приютская земля примыкаетъ съ одной стороны къ Зоологическому саду, съ другой граничитъ съ Георгіевскою площадію, съ третьей—выходитъ на большую Грузинскую улицу, и съ четвертой отдѣляется отъ сосѣдняго владѣнія тупикомъ; земли такъ много, что сверхъ просторнаго двора при приютѣ одинъ участокъ земли отдается въ аренду частному лицу, подъ застройку дома,—другой подъ складъ дровъ для продажи. Флигель, находящійся при приютскомъ домѣ, первоначально былъ назначенъ для помѣщенія прѣзжающихъ въ Москву по дѣламъ лицъ сельскаго или иногороднаго духовенства, которые не имѣютъ родныхъ въ Москвѣ и должны были бы останавливаться на постоялыхъ дворахъ; но такъ какъ желавшихъ пользоваться ночлегомъ въ приютѣ не оказалось, то флигель былъ приспособленъ къ помѣщенію въ немъ бѣдныхъ—призрѣваемыхъ въ приютѣ. Въ самомъ началѣ для содержанія приюта было дано графиней девятнадцать тысячъ рублей, но съ теченіемъ времени капиталъ приюта постепенно увеличивался—графиня передавала въ приютъ нѣсколько разъ по нѣсколькимъ тысячъ рублей,—такъ что капиталъ въ настоящее время нѣсколько превышаетъ уже—60,000 рублей. Помѣщеніе въ приютѣ, хотя и не просторное, но удобное;—въ настоящее время имѣется въ приютѣ одиннадцать комнатъ для помѣщенія семейныхъ: для каждаго семейства порознь, двѣ комнаты для помѣщенія одинокихъ, общая кухня и общая столовая. Призрѣваемые пользуются отъ приюта помѣщеніемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ, пищею и отчасти одеждою т. е. получаютъ отъ приюта *ряску*, *подрясникъ* (холодные), сапоги, платье, башмаки, — пища дается, хотя и простая, но здоровая и питательная, въ количествѣ достаточномъ для каждаго. Принимаются въ приютъ какъ священники, такъ и діаконъ и псаломщики, и по преимуществу престарѣлые, больные, слабые, какъ было угодно основательницѣ приюта. Графиня желала, чтобы Георгіевскій приютъ существовалъ самъ по себѣ, безъ зависимости отъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, и потому, по уставу данному преосвященнѣйшимъ митрополитомъ Филаретомъ, при приютѣ учреждено свое попечительство, въ составъ котораго входятъ мѣстный благочинный, приходскій (Георгіевскій) священникъ и еще кто либо изъ священниковъ сосѣднихъ или вообще Московскихъ; для распоряженія по хозяйственной части въ приютѣ и для пристража за домомъ существуетъ—изъ числа призрѣваемыхъ въ приютѣ, эконома который завѣдуетъ годовыми запасами продовольствія, кухней и пр. Принимаются въ приютъ лица съ одобреніемъ, люди жизни трезвой, и всегда немалые, какъ съ разрѣшенія преосвященнѣйшаго викарія Московской митрополии, въ вѣдѣніи котораго состоитъ Никитскій сорокъ церквей города Москва. Для записи прихода и расхода имѣется книга выданная изъ консисторіи, расходъ провѣряется всѣми членами комитета и отчетъ, какъ въ приходѣ, такъ и расходѣ суммъ, по содержанію приюта, представляется ежегодно, на усмотрѣніе преосвященнѣйшаго старшаго викарія Московской митрополии. По уставу предполагалось, что помѣщающіеся въ приютѣ изъ нижнихъ членовъ духовенства, будутъ заботиться о чистотѣ комнатъ, двора и улицы, но въ настоя-

щее время никто изъ призрѣваемыхъ въ приютѣ не обязывается для приюта ничѣмъ, кромѣ молитвы къ Богу о упокоеніи души своей благодѣтельницы, Графини Анны и ея родныхъ. Тѣмъ которые еще могутъ служить, предоставлено право,—впрочемъ не иначе какъ съ дозволенія ближайшаго блюстителя надъ приютомъ, священника Георгіевской церкви,—совершать литургіи въ сосѣднихъ церквахъ, по приглашенію причта, и заслуженное ими обращается не въ пользу приюта, но въ пользу служащаго. Во дни праздничные всѣ изъ призрѣваемыхъ, которые могутъ, обязаны быть въ церкви во время службы, и желающіе изъ нихъ принимаютъ участіе какъ въ чтеніи, такъ и пѣніи на клиросѣ вмѣстѣ съ членами мѣстнаго причта. Поступавшіе въ приютъ большею частью, кончали жизнь въ приютѣ; высланы были впродолженіе двадцати пяти лѣтъ очень немногіе, — за нетрезвость,—но женщины и дѣти остаются въ приютѣ только до того времени, пока живъ мужъ или отецъ, по смерти которыхъ вдовы и дѣти въ приютѣ не оставляются. Для Александровскаго приюта завѣщанъ графиней Анною Георгіевною принадлежавшій ей домъ, съ огромнымъ количествомъ земли, садомъ, прудомъ, оранжереями (впрочемъ небольшими и ветхими), хозяйственными принадлежностями, четырьмя отдѣльными флигельми (въ которыхъ впродолженіе десяти лѣтъ должны жить люди, служившіе графинѣ при ея жизни). Земля, завѣщанная графиней приюту, выходитъ лицевою стороною на большую Садовую улицу, заднею на большую Грузинскую; земли нѣсколько тысячъ квадратныхъ саженъ. Въ домѣ имѣется церковь, съ достаточнымъ количествомъ утвари, съ ризницею, богослужебными книгами, священными сосудами и пр. Графинѣ желательно было, чтобы церковь при домѣ оставалась навсегда, и чтобы каждодневно была совершаема въ ней заупокойная литургія въ память ея и ея родныхъ, (кромѣ тѣхъ дней, въ которые заупокойной службы по уставу церкви не полагается), по данному памятнику. Главное сокровище для церкви и для приюта составляютъ: а) небольшой крестикъ, въ старинномъ серебряномъ ковчегѣ, сдѣланный изъ частицъ древа Животворящаго Креста Господня (крестикъ сохранился не во всей цѣлости), подобнаго которому исключая, быть можетъ, Гатчинской придворной церкви, кажется, нѣтъ нигдѣ въ Россіи; б) часть мощей Св. Іоанна Крестителя (косточка отъ руки); в) лѣвая ручка Св. Великомученицы Анастасіи (отъ которой отнята значительная часть послѣдняго и небольшая часть предпослѣдняго перста и часть ладони подъ большимъ перстомъ; г) нѣсколько частицъ мощей, въ серебряномъ ковчегѣ, неизвѣстныхъ святыхъ; д) частицы мощей, якобы Св. Апостола Павла и Св. Николая Чудотворца, данныя папою Римскимъ при посѣщеніи его покойнымъ графомъ Александромъ Петровичемъ Толстымъ Крестъ и Св. мощи перешли къ графинѣ отъ царей Грузинскихъ, которые приняли христіанскую вѣру въ четвертомъ столѣтіи, и которые всегда оставались православными, и къ роду которыхъ принадлежала графиня. Когда именно будетъ, или можетъ быть открытъ Александровскій приютъ для бѣдныхъ духовнаго званія, въ домѣ графини еще не извѣстно потому, что требуется предварительно Высочайшее соизволеніе на право пользованія домомъ и землею, какъ недвижимою собственностью, на имя приюта или Духовнаго вѣдомства. По завѣщанію графини число призрѣваемыхъ въ приютѣ должно простираться до сорока человѣкъ; но домъ назначенный для приюта такъ великъ, что за помѣщеніемъ сорока призрѣваемыхъ, подобно Георгіевскому приюту, останется еще много свободнаго помѣщенія, которому можно будетъ дать другое назначеніе,

напр. устроить въ немъ училище для сиротъ или вообще для дѣтей Московскаго духовенства. Графиня завѣшала, чтобы Александровскій приютъ былъ устроенъ по образцу Георгіевскаго съ тѣмъ измѣненіемъ въ уставѣ, какія признаны будутъ необходимыми по усмотрѣнію духовнаго начальства, и которыя дѣйствительно окажутся необходимыми, если приютъ будетъ расширенъ, или если будетъ при немъ еще что нибудь кромѣ приюта. Сумма назначенная на содержаніе приюта должна быть раздѣлена такъ: проценты со 100.000 рублей должны употребиться на содержаніе призрѣваемыхъ въ приютѣ; проценты съ 20.000 р. на содержаніе дома, проценты съ 15.000 р. на содержаніе церкви; проценты съ 15.000 р. на вознагражденіе служащимъ литургіи и пять тысячъ наличными деньгами на первоначальное обзаведеніе приюта; весь капиталъ 155.000 р. долженъ оставаться на всегда неприкосновеннымъ. Очевидно, что въ числѣ призрѣваемыхъ должны находиться два или три священника, которые по очереди могли бы исправлять службу въ церкви и одинъ или два псаломщика, которые должны будутъ пѣть и читать во время службы въ церкви.

По благословенію его высокопреосвященства 3 го ноября сего года въ Георгіевскомъ храмѣ, въ Грузинахъ, ради двадцатипятилѣтняго юбилея существованія приюта предъ литургіею совершена была панихида, а потомъ заупокойная литургія о упокоеніи души усопшей рабы Божіей графини Анны и ея родныхъ; при совершеніи панихиды были въ храмѣ всѣ тѣ изъ призрѣваемыхъ въ приютѣ, которые имѣли силу придти, и литургію совершали двое изъ членовъ попечительства приютскаго и одинъ изъ священниковъ, призрѣваемыхъ въ приютѣ. Послѣ литургіи въ церкви былъ благодарственный молебенъ съ приглашеніемъ многолѣтня Царствующему Дому, Св. Синоду, высокопреосвященнѣйшему митрополиту Іоанникію и вѣчной памяти усопшей рабѣ Божіей графинѣ Аннѣ; а въ самомъ приютѣ—освященіе воды передъ иконою св. великомученика Георгія, которая принесена была изъ церкви самими призрѣваемыми по собственному усердію.

Ради праздника въ приютѣ предложена была призрѣваемымъ праздничная трапеза. Такъ скромно отпраздновалъ Георгіевскій приютъ свой двадцатипятилѣтній юбилей; но сама графиня любила скромность и желала не славы отъ людей, а милости отъ Бога, не того, чтобы люди объ ней говорили, а того, чтобы жертва ея была пріятна Богу. Благодареніе Богу, въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ со дня открытія, приютъ существовалъ безбѣдно, не было никакихъ особенно выдающихся безпорядковъ, не было и жалобъ отъ призрѣваемыхъ ни на тѣсноту помѣщенія, ни на скудость содержанія; средствъ доставало на все—и на содержаніе дома и на содержаніе приюта.

Суммы назначенныя блаженной памяти графиней А. Г. Толстою на устройство Александровскаго приюта были переданы ея душеприкащиками Московской Консисторіи 3 ноября; потому, можно сказать, что въ юбилейный день приюта Георгіевскаго, фактически положено основаніе для приюта Александровскаго; это, конечно, случайность, но случайность, которая, какъ говорится, невольно бросается въ глаза! Памятенъ долженъ быть день—3 ноября, для Московской епархіи—и грѣшно было бы Московскому епархіальному духовенству забывать въ своихъ молитвахъ ту, которая не забыла, но облагодѣтельствовала, можно сказать, самыхъ меньшихъ изъ духовенства! Самъ высокопреосвященнѣйшій владыка Іоанникій, совершалъ литургію въ день погребенія графини въ той церкви, которая должна оставаться

навсегда при будущемъ Александровскомъ приютѣ, самъ совершалъ послѣдованіе погребенія по уставу церкви, и самъ, когда гробъ съ тѣломъ умершей опускали въ землю, напутствовалъ душу умершей своею молитвою.

По распоряженію владыки указано было совершать сорокадневное поминовеніе въ церквахъ всей епархіи, и навѣрное ни одинъ изъ священниковъ не полѣнился исполнить указанное намъ по вниманію владыки къ достойной всегдашней памяти—этой благодѣтельницы московскаго духовенства? Скоро, можетъ быть, будетъ дѣйствительно открытъ Александровскій приютъ для бѣдныхъ духовнаго званія,—въ которомъ можетъ быть современемъ укроется тотъ или другой изъ близкихъ къ намъ,—потому какъ не поминать духовенству свою благотворительницу. Почему не предполагать, что будущее поколѣніе чрезъ двадцать пять лѣтъ будетъ видѣть на мѣстѣ дома графини не Александровскій приютъ только, но и другое что-либо гораздо большее и обширнѣйшее и столько-же, если не больше полезное?

Первый приютъ названъ Георгіевскимъ въ память князя Грузинскаго Георгія, а второй—Александровскимъ въ память супруга графини, графа Александра Петровича Толстаго.

Графиня Анна Георгіевна Толстая скончалась 17 іюля 1889 года и погребена 21-го іюля въ Донскомъ монастырѣ. Да будетъ ей вѣчная память у Бога и отъ людей!

П. П.

ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА СО ДНЯ КОНЧИНЫ ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Вотъ уже двадцать два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Господь взялъ отъ насъ къ Себѣ митрополита Филарета, — этого великаго святителя церкви Московской, болѣе сорока лѣтъ украшавшаго собою ея первосвятительскую кафедру, — этого мудраго и краснорѣчиваго проповѣдника Слова Божія, немолчно и неустанно проповѣдившаго съ церковной кафедры,—этого знаменитаго ученаго и государственнаго мужа, къ печатнымъ мнѣніямъ и отзывамъ котораго по разнымъ вопросамъ церкви и государства до сихъ поръ прислушиваются русскіе люди,—этого великаго поборника и защитника началъ истиннонародной русской жизни, принимавшаго живѣйшее участие во всѣхъ важныхъ проявленіяхъ ея за послѣднее столѣтіе,—этого, наконецъ, свѣтильника и столпа православной вѣры и церкви, не только Русской, но и Вселенской, ибо «мощному слову его съ удивленіемъ внималъ», какъ извѣстно, «не только православный Востокъ, но и инославный Западъ» *). Приспомятанный день кончины святителя Филарета, 19-го ноября, въ продолженіи 22 лѣтъ и доселѣ не забываемъ въ Московской церкви, но особенно памятуется въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ. мѣстѣ его вѣчнаго упокоенія. Каждый годъ 19-го числа ноября совершается въ Филаретовскомъ придѣлѣ *) Духосошестввенской церкви, находящейся въ стѣнахъ Троицкой Лавры, торжественное заупокойное моленіе. Ныѣшній годъ, по случаю совпаденія 19 ноября съ днемъ воскреснымъ, это заупокойное моленіе отличалось еще болѣе торжественною обстановкою, чѣмъ въ другіе годы. Нельзя не вспомнить при этомъ, что и самая кончина святителя Филарета 19-го ноября 1867 года случилась въ воскресный день, въ кото-

*) Собравіе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета. Томъ II-й.

**) Устроенъ въ память пятидесятилѣтня служенія митрополита Филарета въ епископскомъ сафѣ. Въ немъ и почиваетъ святитель Филаретъ.

рый онъ служилъ послѣднюю литургію въ Москвѣ на Троицкомъ архіерейскомъ подворьѣ и въ который удостоился причаститься св. Христовыхъ Тайнъ за два часа до своей смерти. Наканунъ этого дня, въ субботу 18-го ноября, было отслужено въ вышеупомянутой церкви заупокойное всенощное бдѣніе по Кіевскому чину, на которомъ возносились особыя заупокойныя моленія по почившемъ святителѣ. Всенощное бдѣніе отпирала соборне ризничій Лавры о. архимандритъ Афанасій, при цѣни хора монастырскихъ пѣвчихъ подъ управленіемъ уважаемаго регента старца архимандрита Аарона. Въ самый день кончины митрополита Филарета заупокойную литургію и послѣ оной торжественную панихиду въ Филаретовскомъ придѣлѣ Духосошестввенской церкви совершалъ намѣстникъ Лавры о. архимандритъ Леонидъ въ сослуженіи старѣйшаго лаврскаго духовенства. За богослуженіемъ присутствовала масса богомольцевъ почитателей митрополита Филарета, принадлежавшихъ къ разнаго рода звачію и чину. Въ Троицкомъ соборѣ панихиду по Митрополитѣ Филаретѣ передъ поздней литургіей совершалъ въ сослуженіи многочисленнаго монашествующаго духовенства, при громадномъ стеченіи народа, ризничій Лавры о. архимандритъ Афанасій. Такая же торжественная панихида была совершена въ этотъ день и въ Московской Духовной Академіи, — этомъ высшемъ богословскомъ училищѣ и разсадникѣ духовенства для Московской церкви, — которая много лѣтъ находилась подъ непосредственнымъ мудрымъ руководствомъ митрополита Филарета, какъ ея ближайшаго начальника и покровителя, и интересы которой всегда близко принимались къ сердцу покойнымъ святителемъ. Послѣ литургіи, отслуженной въ этотъ день въ домовой церкви Академіи болгарскимъ о. архимандритомъ Анфимомъ въ сослуженіи съ двумя священниками изъ учащагося духовенства, на панихиду выходилъ самъ ректоръ Академіи, преосвященный Христофоръ, епископъ Волоколамскій. За богослуженіемъ въ домовой академической церкви, кромѣ профессоровъ и студентовъ Академіи, присутствовало также много посторонней публики.

Такъ торжественно отпразднованъ былъ приснопамятный и незабвенный день кончины святителя Филарета 19-го ноября — въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ. Какія-же, спросимъ, чувства неволью пробуждались въ этотъ день въ сердцахъ бывшихъ его духовныхъ дѣтей и пасомыхъ? Всякому, — какъ дуается намъ, — присутствовавшему на этомъ торжествѣ, живо чувствовались при гробѣ митрополита Филарета та близость и то духовное единеніе его съ Московскою паствою, которыя такъ замѣтны были во все время его жизни; чувствовалось, что онъ, хотя разстался съ нами своею душой, воспарившею въ міръ горній, однако оставался среди насъ и вѣчно будетъ съ нами сокровищами своей души, которыя завѣщалъ намъ въ своихъ безсмертныхъ ученыхъ твореніяхъ, что духовная, невидимая связь его съ нами не прекратилась и послѣ видимой тѣлесной его разлуки, чувствовалось, — и на душѣ становилось какъ-то отраднѣе и легче!...

Д. Ромашковъ.

СООРУЖЕНІЕ И ОСВЯЩЕНІЕ ХОРУГВЕЙ ВЪ ПАМЯТЬ 17 ОКТЯБРЯ 1888-го ГОДА ПРИХОЖАНАМИ ВОСКРЕСЕНСКОЙ, ВЪ ТАГАНЬ, ЦЕРКВИ.

Благоговѣя предъ всемогущимъ Промысломъ Божиимъ, чудесно спасшимъ жизнь Его Императорскаго Величества Государя Императора и всей Его Августѣйшей Семьи при крушеніи царскаго побѣда близъ станціи Борки 1888 года 17 окт., прихожане Московской Воскресенской въ Тагань, церкви, выѣстѣ съ причтомъ

и церковнымъ старостою той же церкви, чтобы увѣковѣчить это славное событіе, пожелали создать какой-либо памятникъ ему. Эта мысль явилась у нихъ 14 ноября, 1888 года, когда они совершали торжественное благодарственное моленіе Господу Богу за спасеніе Царя 17 окт. 1888 года. На общемъ собраніи, бывшемъ въ квартирѣ настоятеля храма, прихожанами признано было за лучшее создать въ память сего событія хоругви. Для сего открыта была подписка; заботы по сбору суммы, необходимой для осуществленія предположеннаго дѣла, а также заботы о самомъ устройствѣ хоругвей приняла на себя настоятель храма священникъ Н. А. Красновскій, церковный староста моск. куп. Д. П. Силинъ и двое изъ прихожанъ, И. Н. Николаевъ (домовладѣлецъ) и И. И. Журавлевъ (жильецъ церковн. дома). Согласно единодушному желанію прихожанъ, задуманное дѣло предположено окончить не позднѣе ни ранѣе, какъ ко дню годовщины чудеснаго спасенія Царя 17 окт. 1889 года. Прежде всего составленъ былъ рисунокъ, который единогласно одобренъ былъ прихожанами. Затѣмъ каждый понесъ свою лепту, такъ что очень быстро составила довольно почтенная цифра. Предложивши многимъ изъ мастеровъ осуществить одобренный прихожанами рисунокъ, вышеозначенныя лица, принявши на себя заботы по устройству хоругвей, нашли болѣе выгоднымъ и удобнымъ устройство самыхъ хоругвей поручить А. А. Овчинникову, а писаніе иконъ Я. И. Ручкину. Первый согласился сдѣлать порученное ему дѣло, за 1,900 р. с., а второй за 275 р. Когда все было подготовлено, Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту Іоанніакию было подано прошеніе отъ имени причта и прихожанъ о дозволеніи устроить хоругви, торжественно освятить ихъ 17 окт., совершивши Богослуженіе по порядку храмовыхъ праздниковъ. При этомъ представленъ былъ рисунокъ хоругвей и описаніе ихъ. Его Высокопреосвященству благоугодно было все это разрѣшить и проектъ хоругвей утвердить. За нѣсколько дней до 17 окт. хоругви были готовы; къ 15 окт. были доставлены въ Воскресенскій храмъ, а 17 октября были торжественно освящены. Порядокъ торжества освященія ихъ былъ слѣдующій. Вечеромъ 19 октября благовѣсть ко всенощному бдѣнію начался въ 6 часовъ, а самое всенощное бдѣніе въ 12 час. Оно совершено было о. благочиннымъ І. А. Смирновымъ въ сослуженіи приходскаго священника и священника Алексѣевской, что на малой Алексѣевѣ, церкви В. А. Красновскимъ, при участіи хора пѣвчихъ В. С. Лебедева, предложившаго свои услуги бесплатно, и о. протоіакиа В. Л. Юстова. Храмъ былъ внутри освѣщенъ, и снаружи иллюминированъ такъ, какъ обыкновенно бываетъ въ храмовые праздники. Утромъ 17 октября благовѣсть къ литургіи начался въ 9 часовъ; въ 9¼ началось водоосвященіе, по совершеніи котораго были освящены хоругви. Затѣмъ послѣдовала Вѣщественная литургія и благодарственный молебенъ на 17 октября.

Въ совершеніи Богослуженія участвовали тѣ же лица. За литургію въ обычное время настоятелемъ прихода сказано было назидательное приличное торжеству слово.

Стеченіе народа, какъ за всенощнымъ бдѣніемъ, такъ и за литургію, было настолько велико, что едва-ли бываетъ такое когда-либо кромѣ свѣтлаго дня. Довольно выѣстительный храмъ буквально былъ переполненъ, народъ стоялъ не только на паперти, но даже и на мостовой. Богомольцы съ видимымъ удовольствіемъ осматривали новоустроенныя хоругви и любовались ими: настолько изящны и великолѣпны онѣ.

Свящ. Н. Красновскій.

ЮБИЛЕЙ НАСТАВНИКОВЪ СЕМИНАРИИ С. Д. РОЖДЕСТВЕНСКАГО И М. В. МОДЕСТОВА.

Въ воскресенье 12-го прошлаго ноября корпорація наставниковъ Московской Духовной Семинаріи скромно чествовала день исполненія двадцати-пятилѣтней педагогической дѣятельности разомъ двоихъ изъ сослуживцевъ, Сергѣя Дмитріевича Рождественскаго — преподавателя Догматическаго Богословія и преподавателя латинскаго языка Михаила Васильевича Модестова. Оба достопочтеннѣйшіе наставника товарищи между собою по Академіи и одновременно были назначены на службу, хотя и въ разные мѣста.

С. Д. Рождественскій — родной братъ московскаго Викарія, почившаго костромскимъ епископомъ, преосвященнѣйшаго Игнатія — московскій уроженецъ именно — сынъ московскаго священника. По окончаніи семинарскаго образованія онъ въ 1864 г. кончилъ курсъ въ Академіи со степенью магистра — въ выпускъ 24-го курса и назначенъ былъ прямо въ Московскую Духовную Семинарію. Здѣсь послѣ кратко-временнаго исправленія должности помощника инспектора онъ съ 1866 занялъ кафедру словесности, и съ преобразованиемъ Семинаріи по уставу 1867 г. — перешелъ на кафедру Догматическаго и Нравственнаго Богословія.

Сотоварищъ по Академіи Сергѣя Дмитріевича М. В. Модестовъ изъ воспитанниковъ семинаріи Виѣанской. По окончаніи курса Академіи онъ назначенъ былъ на должность въ началѣ смотрителя Данковскаго духовнаго училища (Рязанской епархіи) и только въ 1876 году занялъ кафедру латинскаго языка въ Московской Духовной Семинаріи. Оба достоуважаемые наставника семинаріи продолжаютъ съ усердіемъ занимать я на своихъ кафедрахъ доселѣ.

Въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія учебной ихъ дѣятельности — въ воскресенье 12 ноября послѣ литургіи отслужено было ректоромъ Семинаріи въ сослуженіи съ преподавателемъ священникомъ Д. Г. Фаворскимъ благодарственное Господу Богу молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія юбилярамъ предъ началомъ котораго ректоръ въ приличномъ случаѣ кратко словъ призвалъ воспитанниковъ къ молитвѣ. По окончаніи молебствія первыми принесли поздравленіе юбилярамъ воспитанники, собравшіеся въ ихъ квартирахъ и пропѣвшіе концертъ.

Въ часъ дня всѣ наставники во главѣ съ ректоромъ собрались въ квартирѣ инспектора Семинаріи, гдѣ юбилярамъ предложена была отъ сослуживцевъ — братская трапеза, прежде которой ректоръ Семинаріи принесъ поздравленіе юбилярамъ, упомянувъ въ краткой рѣчи заслуги каждаго изъ нихъ и отмѣтивъ тотъ между прочими фактъ, что преподаватель Рождественскій 18 лѣтъ состоитъ въ званіи члена педагогическаго распорядительнаго Собранія Семинаріи.

За трапезою ректоромъ провозглашены были отдѣльные тосты за юбиляровъ, причѣмъ послѣ того, какъ провозглашено было здоровье Сергѣя Дмитріевича преподавателемъ Семинаріи г. Кедровымъ была сказана слѣдующая рѣчь:

«Достоуважаемый Сергѣй Дмитріевичъ!

И какъ вашъ ученикъ, и какъ вашъ сослуживецъ считаю особенно пріятнѣйшимъ для себя долгомъ выразить въ дружественной товарищеской семьѣ, собравшейся почтить день двадцати-пятилѣтія вашей скромной преподавательской въ Семинаріи дѣятельности — одушевляющія меня чувства.

День вашего праздника и для самаго васъ и для насъ вашихъ почитателей — сослуживцевъ по моему преимущественный

день воспоминаній. Если строгіе къ своему внутреннему душевному міру люди даютъ своей совѣсти отчетъ въ ежедневной дѣятельности, то и слабые и менѣе самоуглубленные, полагаю я, невольно бросятъ взглядъ на свое прошлое въ тотъ день, коимъ отмѣчена цѣлая четверть вѣка дней ихъ общественной дѣятельности... Каковъ вы, достопочтенный Сергѣй Дмитріевичъ, по отношенію къ себѣ самому самъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ, того, конечно, я не знаю по слову неземной психологіи, утверждающему, что никто изъ другихъ людей не знаетъ что есть въ человѣкѣ, — кромѣ духа живущаго въ немъ, но каковъ вы въ обнаруженіяхъ съ людьми — прежде всего съ близкими къ вамъ сослуживцами, и учениками то, конечно, хорошо извѣстно всѣмъ намъ и давнымъ давно!...

Такъ позвольте, глубоколюбимый учитель, въ день вашего праздника малоискусному психологу и совѣмъ плохому художнику — ученику вашему и сослуживцу, хотя частію и слабо коснуться вашего умственно-нравственнаго облика. Дѣлаю это совѣмъ не для того, чтобы подарить васъ въ торжественный день вашего праздника плохимъ и никуда негоднымъ вашимъ портретомъ, — а больше для того, чтобы въ себѣ самомъ и сопразднующихъ съ вами точнѣе запечатлѣть столь пріятныя всѣмъ намъ черты вашего духовнаго образа. Да не искусство здѣсь и важно: горячему поклоннику нравятся и непріятныя улыбки на миломъ лицѣ...

Лично я считаю себя *суубо* счастливымъ, дорогой Сергѣй Дмитріевичъ, и въ день вашего праздника особенно благодарю Бога за то, что мнѣ дважды пришлось въ теченіе шестилѣтняго моего семинарскаго курса быть вашимъ ученикомъ, а въ довершеніе счастья даже и сослуживцемъ. Говорю *суубо* счастливъ и прошу принять эти слова въ самомъ искреннѣйшемъ изъ смысловъ. Въ самомъ дѣлѣ: за что, какъ не за особо возвышенное выраженіе счастья слѣдуетъ почестъ ученику то обстоятельство, что обаятельное уваженіе къ учителю и его значеніе не только не уничтожалось въ то время, когда оставлена была навсегда школьная скамья и ученикъ по вышнему своему положенію даже сравнился съ учителемъ, — хотя разумѣется никогда не въ силахъ dorosti до него по своимъ внутреннимъ свойствамъ, но и въ значительной мѣрѣ еще возвысилось? Обращаясь къ своей совѣсти, я не могу сказать, чтобы въ шестнадцати-лѣтній курсъ мною пройденной низшей, средней и высшей школы я могъ отмѣтить *плохихъ* учителей. Возстановляя образы педагоговъ — живыхъ и умершихъ, коихъ уроками я пользовался въ теченіи школьнаго времени, въ портретной ихъ галлерей я замѣчаю учителей прямо даровитыхъ и высокоталантливыхъ, сердитыхъ или мягкосердечныхъ, энергичныхъ и живымъ или немножко вялыхъ. Но въ общемъ, по моему всѣ были хороши! Тѣмъ труднѣе, достопочтеннѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ, среди всѣхъ хорошихъ быть *отличнѣйшимъ*. А именно таковымъ то и были какъ и продолжаете доселѣ быть вы въ нашей Семинаріи... Припоминаю ваши уроки словесности еще въ то время, когда мы были мальчики 13—14 л. Помню методъ вашего разумнаго преподаванія — состоявшій въ разборѣ образцовъ наилучшихъ произведеній. Наизусть знаю всѣ сочиненія, какія писалъ вамъ тогда и храню доселѣ записки ваши по сему предмету, коими вы дополняли тогдашній учебникъ Петрова... Но не *словесникомъ*, а *Богословомъ* наиболѣе вы запечатлѣлись въ моей памяти. Да, вы поистинѣ высоко держали и держите знамя *православнаго Богословія*! Было и есть чему поучиться на вашихъ урокахъ, было что послушать. Бываетъ ли такъ, чтобы ученики съ нетерпѣніемъ ждали прихода въ классъ учителя!...

А мы васъ ждали, сознавая, что придя, вы сообщите намъ то, что такъ хотѣлось дослышать отъ васъ въ прошлый урокъ передъ звонкомъ... И что же? Мы учились у васъ! Плакали и другъ друга дразнили, если не все запоминали или не успѣли записать изъ того, что сообщили вы *въ теченіе часа*... Нужно официальное свидѣтельство нашей любви къ преподаваемому вами предмету, оно есть у меня! Мы приѣхали *держатъ* экзамень въ Академію... Слѣдомъ за нами и въ тотъ же день *ярославы*. Ректоръ (теперь уже покойный—протоіерей Смирновъ), встрѣтивъ ихъ сказалъ: а у *москвичей* почти у всѣхъ *пятерки* изъ догматики... и дѣйствительно мы отвѣчали то, чего *другіе* не знали и на насъ тогда же указывали какъ на *знатоковъ* догматики. Что мною передаваемыя слова не лезть вамъ, на то я имѣю и печатное свидѣтельство изъ Академіи. Если вы читаете ежегодные академическіе отчеты о производившихся экзаменахъ, то въ нихъ увидите, что московскіе студенты изъ догматики всегда аттестуются *прекрасно*. Я не учился догматикѣ въ *Академіи*, но отъ товарищей слышалъ, что немногимъ большимъ пополнялись и тамъ свѣдѣнія по сему предмету. Ваши уроки и носили именно форму академическихъ лекцій съ тѣмъ только отличіемъ, что они наиболѣе были принаровлены къ пониманію вашей очень юной аудиторіи... Глубокій, глубочайшій *до земли поклонъ* вамъ отъ вашихъ учениковъ, дорогой учитель! и сердечное спасибо за то, что вы давали намъ...

Я конечно не сумѣю сказать объ васъ какъ о сослуживцѣ. Но и здѣсь: развѣ вы не служите всегдашнимъ примѣромъ для всѣхъ насъ и старшихъ и младшихъ?... И ваше застычивое молчаніе, и ваша всегда разумная стыдливая рѣчь и въ учительской комнатѣ, и въ торжественномъ и официальномъ собраніи... развѣ все это не поучительно для всѣхъ насъ?!... Мнѣ думается, что про васъ-то именно и прилично сказать словомъ, очень древняго поэта „*Ἐστ ἐνθάδ' ἐσθλός ἀνὴρ ἤθεστε μέγατε...* т. е. есть и средъ насъ здѣсь доблестный мужъ — возвышенный и благородный?... Благородство и аккуратность и умѣренность во всемъ—отличительныя свойства вашего духа и характера, всегда заставляющія всѣхъ насъ проникаться невольнымъ въ вамъ уваженіемъ. Вы всеобщій въ Семинаріи любимецъ какъ сослуживцевъ, такъ и учениковъ нашихъ».

(Окончаніе до слѣдующаго №).

ОО. БЛАГОЧИННЫМЪ МОНАСТЫРЕЙ И ЦЕРКВЕЙ МОСКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Нѣкоторые оо. благочинные собрали и доставили въ редакцію изданій Общества Любителей духовнаго просвѣщенія подписныя деньги только на полученіе въ 1890 году „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей“, между тѣмъ по указу Московской духовной консисторіи оо. благочинные обязаны собрать и доставить въ редакцію подписныя деньги отъ подвѣдомственныхъ имъ монастырей и церквей на „Московскія Церковныя Вѣдомости“, „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ и „Воскресныя бесѣды“.

Перепечатаваемъ здѣсь указъ Московской духовной консисторіи о подпискѣ на изданія Общества любителей духовнаго просвѣщенія въ виду особенно того, что онъ можетъ быть не вполне извѣстенъ вновь назначеннымъ оо. благочиннымъ.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Московской Духовной Консисторіи.

Совѣтъ Общества Любителей духовнаго просвѣщенія, представивъ при докладѣ Его Высокопреосвященству списокъ монастырей и церквей Московской епархіи, неподписавшихся въ семь 1880 г. на „Московскія Церковныя Вѣдомости“ и журналъ „Чтенія въ Обществѣ Любителей духовнаго просвѣщенія“ — просилъ оказать содѣйствіе къ тому, чтобы оо. благочинные монастырей и церквей Московской епархіи побудили подвѣдомственные имъ монастыри и церкви къ подпискѣ на „Московскія Церковныя Вѣдомости“ какъ обязательныя для всѣхъ церквей, а отъ подписки на журналъ „Чтенія въ Обществѣ Любителей духовнаго просвѣщенія“ согласно указу Московской Духовной Консисторіи отъ 17 декабря 1879 г. освободили, по своему усмотрѣнію, только бѣднѣйшія церкви. Въмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ Общества для точнаго опредѣленія количества экземпляровъ своихъ изданій, необходимыхъ для своевременнаго и полного удовлетворенія подписывающихся монастырей и церквей находилъ нужнымъ, чтобы оо. благочинные приняли на себя трудъ на будущее время доставлять въ редакцію изданій Общества Любителей духовнаго просвѣщенія подписныя деньги отъ подвѣдомственныхъ имъ монастырей и церквей на „Московскія Церковныя Вѣдомости“, „Чтенія въ Обществѣ Любителей духовнаго просвѣщенія“ и „Воскресныя Бесѣды съ обозначеніемъ адресовъ, по которымъ редакція будетъ доставлять изданія каждому подписчику на мѣсто его нахождения. Совѣтъ Общества просилъ Его Высокопреосвященство о соизволеніи на предлагаемую мѣру, которая, съ одной стороны, избавитъ Общество отъ напрасныхъ расходовъ на напечатаніе ненужныхъ экземпляровъ, съ другой — послужитъ и для подписчиковъ къ своевременному, правильному и полному полученію изданій; такъ-какъ случилось, что поздніе подписчики, за расходомъ первыхъ номеровъ изданій, не могли получить ихъ. На семь докладѣ резолюціею Его Высокопреосвященства предписано: „Согласенъ. Консисторія сдѣлаетъ соотвѣтственное распоряженіе“. Московская Консисторія приказали: съ прописаніемъ доклада Совѣта Общества и наименованіемъ на оборотѣ сего монастырей и приходскихъ церквей не выписывающихъ нѣкоторыхъ изданій Общества, послать благочиннымъ монастырей и приходскихъ церквей, къ надлежащему въ чемъ слѣдовать будетъ исполненію, указы. Декабря „...“ дня 1880 года.

САРПИНКА

отъ 12 коп. аршинъ и дороже.

Собственное приготовленіе изъ высшихъ сортовъ бумажной пряжи.

Новые изящные рисунки, ручное ткачество. Хорошо моется.

Продажа партіонная и розничная.

По требованію — высылаются образцы заказной бандеролью за плату (почтовыми марками):

Въ Альбомѣ, нумерованные, за 40 к. Въ конвертѣ, пачками, ненумерованные, за 30 копѣекъ.

При нихъ условія и указанія пересылки.

Высылка образцовъ начнется съ 15-го декабря с. г.

Адресъ: Саратовъ, Торговому дому «А. Бендеръ съ С-ми, А. Степановъ и В. Бендеръ».

Московская ул., д. Т. М. Лобанова.

Телеграммы:

Саратовъ. Бендеръ—Степановъ

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

книга покойнаго профессора новороссійскаго уни-

верситета *А. Н. Кудрявцева*.

„*Краткій курсъ лекцій по православному Бого-словію*“.

Цѣна 2 р. съ пересылкой 2 р. 50 к.

Получать можно у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и Петербурга, а также въ складѣ: Москва, Старая Басманная, Тугмаковъ переулочекъ, д. Аѳинской.

Димитрій, архіеп. Херсонскій и Одесскій.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПРОПОВѢДЕЙ ЕГО.

Вышли изъ печати: т. 1-й проповѣди на праздники господскіе; т. 2-й на праздники богородичные и святыхъ.—Т. 3-й проповѣди на дни воскресные отъ Пасхи до недѣли Мытаря и Фарисея. 6-й день въ концѣ сего мѣсяца; 4-й—проповѣди на дни воскресные отъ недѣли Мытаря и Фарисея до Пасхи и на Великій Постъ выйдеть въ декабрь; т. 5-й, на дни высокаторжественные; на разные случаи и погребенія въ январѣ 1890 года. ц. каждому тому 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Складъ: въ книж. магаз. Карцева, Москва, Фуркасовскій переулочекъ.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ

3-я ч. книги „*Сердечныя чувства вѣрующаго*“

Иеромонаха Іоилы.

Ц. 75 коп.

Можно получать въ книжной лавкѣ Епархіальн. библиот. въ Петровскомъ монастырѣ и у автора въ Покровскомъ монастырѣ; тамъ же можно получать 1 и 2-ю часть той же книги.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу новыя книги профессора Московской Духовной Академіи *В. Д. Кудрявцева-Платонова*:

1. *Введеніе въ философію*. Москва, 1889. Ц. 50 к.

2. *Начальныя основанія философіи*. Вып. 1. Начальныя основанія гносеологіи и естественнаго богословія. Москва, 1889. Ц. 1 р. 50 к.

При семь № прилагается № 31 официального отдѣла.

Редакторъ протоіерей
В. Рождественскій.

Типографія Л. и А. Снегиревыхъ

На Остоженкѣ, Савеловскій пер. соб. домъ Архимандритъ Арсеній.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

г. IV. На 1890 г. г. IV.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

для чтенія въ христіанской семьѣ

4 р. за годъ съ пересылк.	„ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ“	2 р. 50 к. за полгода съ пересылк.
---------------------------------	-------------------	--

Адресъ редакціи: Москва, Кожевники, д. Троицкой церкви.

Съ 1890 года журналъ «Воскресный День» вступаетъ въ четвертый годъ своего существованія.

Программа журнала:

I. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

- 1) Очерки и рассказы изъ исторіи библейской, общей, русской церковной и гражданской.
- 2) Жизнеописаніе служителей Христовой истины, воспоминанія о нихъ, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни.
- 3) Исторія христіанскаго Богослуженія и его значеніе.
- 4) Исторія христіанскаго искусства и современное его состояніе.
- 5) Путешествія, описанія святыхъ мѣсть Востока и русскихъ святынь.
- 6) Подвиги проповѣдниковъ Евангелія на окраинахъ русской земли и за предѣлами оной. Описаніе быта, нравовъ и вѣроваій инородцевъ.
- 7) Христіанское вѣроученіе и правоученіе. Благодатныя явленія вѣры. Стихотворенія. Духовно-правоучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ.
- 8) Религиозно-нравственная оцѣнка художественныхъ произведеній свѣтской литературы.
- 9) Церковно-бытовая жизнь: повѣсти, рассказы, дневники, записки, воспоминанія изъ церковно-бытовой и религиозно-нравственной жизни.
- 10) Извѣстія и замѣтки о текущихъ явленіяхъ духовно-общественной жизни какъ въ Россіи, такъ и за границей.
- 11) Библиографія. Новыя книги и журнальныя статьи съ критическими замѣчаніями на нихъ.

II. ИЛЛЮСТРАЦІИ.

- 1) Изображенія Св. угодниковъ Божіихъ, виды Св. мѣсть, обителей, храмовъ съ ихъ святынями, снимки съ иконъ и разныхъ предметовъ церковной утвари.
 - 2) Портреты служителей христіанской истины, какъ прошлаго, такъ и настоящаго времени: преосвященныхъ архипастырей, пастырей церкви, подвижниковъ добродѣтели, дѣятелей христіанскаго просвѣщенія, миссіонеровъ и проч. Типы инородцевъ, среди которыхъ подвизаются наши миссіонеры.
 - 3) Снимки съ картинъ знаменитыхъ мастеровъ христіанскаго искусства какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.
 - 4) Картины изъ церковно-бытовой и религиозно-нравственной жизни.
- Въ приложеніи—1) «Воскресные Листки»: исторія и объясненіе церковныхъ праздниковъ, жизнеописаніе Святыхъ и описаніе чудотворныхъ иконъ, чтимыхъ Православною Церковію. 2) Поты общепотребительныхъ церковныхъ пѣснопѣній.

Редакторъ-издатель священникъ *С. Я. Уваровъ*.